

Министерство высшего
и среднего специального
образования СССР
Научно-технический совет
Секция народонаселения

**КРИТИКА
СОВРЕМЕННЫХ
БУРЖУАЗНЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ**

МОСКВА
«СТАТИСТИКА»
1976

Редакционная коллегия:

Д. И. Валентей (главный редактор), *Д. Л. Бронер*, *Л. Е. Дарский*, *А. Я. Кваша*, *Т. Г. Лифарь* (ответственный секретарь), *Р. С. Ротова*, *В. С. Стещенко*, *Б. С. Хорев*.
Редактор-составитель *А. П. Судоплатов*.

К $\frac{10805-056}{008(01)-76}$ 45-76

© Издательство «Статистика», 1976

А. Судоплатов

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РОСТА И ИХ КРИТИКА

Экономический и политический кризис капиталистического общества, своеобразии демографической ситуации в послевоенный период обусловили значительную эволюцию традиционных буржуазных воззрений на народонаселение. Отличительная ее особенность заключается в том, что в буржуазной демографии в условиях соревнования и борьбы двух мировых общественных систем происходит пересмотр некоторых укоренившихся мальтузианских догм в анализе тенденций воспроизводства населения.

Возрастание значения проблем народонаселения усиливает внимание буржуазных авторов к изучению конкретных аспектов воздействия экономических и социальных факторов на тенденции воспроизводства населения. В активизации изучения экономических и социальных проблем роста народонаселения отчетливо проявляется единство идеологической и практической функций буржуазной демографии, с одной стороны, дающей апологетическую оценку социально-экономической сущности изменений в режиме воспроизводства населения, и с другой — разрабатывающей практические рекомендации в области регулирования процессов народонаселения в системе социально-экономической политики буржуазного государства.

Апологетическая сущность современных буржуазных экономических и социологических концепций демографического роста обнаруживается со всей очевидностью

тогда, когда в них присутствуют попытки вывести закономерности «универсального процесса» воспроизводства населения, характерного для всех форм общественного развития. В свете такого направления теоретического поиска, по существу, отрицается принципиально различная социально-экономическая обусловленность интенсивности воспроизводства населения при капитализме и при социализме.

На первый план в рассуждениях о воздействии экономических факторов на воспроизводство населения ряд буржуазных экономистов выдвигают концепцию изменений в приросте населения в зависимости от уровня среднедушевого дохода и потребления энергии¹. Упор в таком подходе к истолкованию экономических факторов демографического роста делается, как мы видим, на технико-экономические показатели экономического развития. Между тем экономические закономерности воспроизводства населения формируются не на основе соотношения демографического роста, среднедушевого дохода и потребления ресурсов, а в принципиальных особенностях характера соединения активного населения с вещественными элементами производства. Тенденции демографического роста складываются в результате наличия специфических условий трудовой активности населения.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что не население давит на развитие производительных сил, что давления населения на средства существования не существует, поскольку «население оказывает давление не на средства существования, а на средства занятости...»².

Другой вариант подхода буржуазных авторов к истолкованию экономических закономерностей воспроизводства населения концентрируется в так называемой «микроэкономической теории роста народонаселения». В основе ее лежит неверное отождествление экономической обусловленности интенсивности естественного прироста населения в целом в обществе и формирования экономической мотивации желания родителей иметь детей в современной семье.

В такой позиции американских демографов Г. Беккера и Р. Истерлина фактически содержится попытка представить экономические факторы динамики уровня рождаемости в качестве основных экономических факторов демографического роста¹. Следует отметить, что эти взгляды основаны на укоренившихся в буржуазной экономической науке концепциях «потребительского спроса», «человеческого капитала» и «предельной полезности».

Методологическая общность современной буржуазной демографии и политической экономии отчетливо обнаруживается, когда Г. Беккер и шведский экономист Г. Охлин предлагают рассматривать интенсивность и порядок рождений в семье как приложение и использование «человеческого капитала» на базе применения принципов «предельной полезности» для определения стоимости «капитальных затрат семьи» на воспитание и содержание детей².

По мнению этих авторов, существуют три фактора «полезности» детей для родителей: «полезность, проистекающая из существования ребенка, как разновидности своеобразного товара и источника удовлетворения потребностей родителей; полезность, проистекающая из ребенка как специфического агента производства, т. е. начиная с определенного периода ребенок может превратиться в дополнительный источник семейного дохода; полезность, проистекающая из будущей роли ребенка, как потенциального источника материального обеспечения в старости»³.

Однако несостоятельность теории «предельной полезности» исчерпывающим образом доказана в марксистской экономической литературе. В свое время видный советский экономист И. Г. Блюмин убедительно показал органические пороки этой концепции: «Если бы даже была доказана возможность идеального измерения наших чувств, — писал И. Г. Блюмин, — от этого теория «предельной полезности» не стала бы ни на йоту более правильной. Для того, чтобы убедиться в этом, не нуж-

¹ Singer F. Is there an Optimum level of Population. New York, 1970, p. 311.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 393.

¹ Population Growth and Economic Welfare. Studies in Population/Family Planning, January, 1971, p. 31.

² Population Growth and Economic Welfare, op. cit., p. 18.

³ Economic Backwardness and Economic Growth by H. Leibenstein, New York, 1957, p. 161.

но идти далеко. Достаточно взять любого индивидуума, отвлечься от системы существующих цен и попросить его указать, какое соотношение существует между полезностями отдельных благ. Мы никогда не получим такого точного ответа, что отношение полезности равно 1 : 6, 7 и т. д.»¹.

Теория «пределной полезности» положена в основу концепции «экономики рождаемости» Г. Беккера. По его мнению, репродуктивную деятельность семьи следует рассматривать как разновидность поведения потребителей, а детей — как специфический «товар длительного пользования». Проблема по Беккеру заключается в том, чтобы наглядно представить себе закономерности динамического поведения потребителей, т. е. родителей².

Дальнейшее развитие идей Беккера заметно в «социально-экономической теории рождаемости» Р. Истерлина, который справедливо подчеркивает невозможность применения теории «потребительского спроса» для формулирования общих гипотез о закономерных зависимостях между уровнем дохода и количеством детей в семье³. Однако он стремится использовать ее для выявления субъективных оценок — предпочтений иметь детей или приобрести товары длительного пользования.

На основе этого тезиса Р. Истерлин строит модель потребности в детях отдельной семейной ячейки, в которую введены не только уровень дохода семьи, нынешний и потенциальный заработок жены, но и основные экономические показатели домашнего хозяйства, а также расходы на образование, медицинское обслуживание, социальное страхование, дающие в итоге «реальный уровень спроса на детей»⁴.

Конечно, изучение воздействия экономических факторов на динамику рождаемости представляет весьма актуальную задачу. Но познание реального механизма этого воздействия невозможно на основе учета шкалы субъективных оценок предпочтений потребителей. В этих

¹ Блюмин И. Г. Критика буржуазной политической экономии. М., 1962, с. 118.

² Becker I. An Economic Analysis of Fertility. Demographic and Economic Change in Developed Countries. Princeton, 1960, p. 217—218.

³ Easterlin R. Towards a Socio-Economic Theory of Fertility — Fertility and Family Planning, p. 142.

⁴ Ibid., p. 151.

концепциях четко проступает несостоятельность идей о совместимости индивидуальных предпочтений семей. Г. Беккер и Р. Истерлин стремятся путем идеи «совокупного спроса на детей» представить индивидуальные субъективные экономические, психологические и духовные интересы родителей. Однако такое эклектическое смешение различных по своему содержанию и значению потребностей, а также проявлений сознательной деятельности человека не может служить надежной и правильной основой в анализе репродуктивного поведения семьи.

Взгляды Г. Беккера и Р. Истерлина обнаруживают свою несостоятельность и в практических исследованиях. Разумеется, с точки зрения обоснования будущих выплат семейных надбавок к заработной плате на содержание детей доводы этих авторов представляют определенный интерес. Но исчерпывающего и правильного объяснения они не дают. Наоборот, именно абсолютизация в аргументах Р. Истерлина, Г. Беккера значения экономического фактора в регулировании рождаемости может быть использована для противопоставления регулирования рождаемости другим социальным мероприятиям, в частности в развивающихся странах.

Например, в рекомендациях Управления международного развития США (УМР) «эффективные» вложения в ограничение рождаемости якобы имеют преимуществва по сравнению с окупающими себя в более длительной перспективе расходами на индустриализацию¹. В действительности же эти программы, затраты на которые составляют не более 3% совокупных расходов развивающихся стран на развитие здравоохранения², оказались неэффективными. Ощутимое снижение рождаемости произошло лишь в Южной Корее, Сингапуре и Гонконге, т. е. в тех регионах развивающихся стран, где не сосредоточено большинство населения развивающихся районов мира и где имела место интенсивная индустриализация за счет американской и английской экономической и военной помощи и, как следствие этого, резкое увеличение занятости женщин и значительные сдвиги в расселении населения.

Микроэкономическая теория роста населения нахо-

¹ Enke S. Economics for Development. Prentice Hall, 1965, p. 71.

² Population/Family Planning, February 1973, p. 18.

дит, таким образом, практическое применение для типичных неомальтузианских обобщений, когда речь заходит о проблемах регулирования демографического роста развивающихся стран. С другой стороны, она используется и как более тонкое идеологическое оружие класса буржуазии. Ибо экономические аспекты проблем народонаселения рассматриваются в рамках комплекса субъективных оценок абстрактной экономической стоимости человека.

Марксистская демографическая наука отвергает этот тезис. Полученные Р. Истерлином субъективные оценки экономической стоимости содержания ребенка для родителей и стоимости его обучения складываются как производные величины от комплекса производственных, социальных, исторических, экономических, физиологических, психологических факторов. Среди них решающая роль принадлежит факторам объективного порядка, т. е. социально-экономическим условиям жизни той или иной демографической ячейки.

Последователи Р. Истерлина и Г. Беккера стремятся дополнить концепции своих предшественников. Так, Н. Намбудири и Г. Эспеншейд полагают, что репродуктивная деятельность семьи может быть определена не только на традиционном учете таких мотивов демографического поведения семьи, как доход, традиции, вкусы и привязанности, которые «экономически суммированы» Истерлином, а на основе выявления внутреннего соотношения этих факторов в демографическом поведении семьи с точки зрения их предпочтительности и полезности для специфических социальных групп населения¹.

Критическое осмысление и дополнение конструкций Г. Беккера, Р. Истерлина и других в современной буржуазной демографической литературе говорит о том, что на нынешнем этапе исследования демографических процессов зарубежные авторы уже не удовлетворены теоретическими посылками об априорном значении отдельных экономических факторов в воспроизводстве населения. Отсюда и идут поиски, направленные на подтверждение теоретических установок количественным анализом, совершенствование техники и методов этого анализа.

Эта тенденция находит свое выражение и в попыт-

¹ Population Studies. July 1972, vol. 76, № 2, p. 193, 213.

ках определения качественных закономерностей формирования семьи. В связи с этим зарубежные демографы стремятся разукрупнить теоретическую схему Истерлина. Но стремление к подобному разукрупнению и комплексному учету экономических и социально-психологических факторов все равно базируется на ложной методологической основе анализа этих проблем под углом зрения или полезности субъективных предпочтений, или в лучшем случае закономерностей формирования шкалы субъективных предпочтений.

В таком виде в буржуазной интерпретации экономических мотивов репродуктивного поведения семьи мы сталкиваемся с искаженно субъективистским отражением проблемы конечной регуливающей роли потребности населения в его активной и сознательной деятельности.

Субъективистская позиция существенным образом снижает практическое значение прикладных демографических исследований, в которых предпринимаются попытки выделить специфическую «количественную» роль того или иного экономического фактора в репродуктивном поведении, ибо субъективные оценки и предпочтения у любых потребителей и у любого индивидуума органически связаны с существующей системой экономических и социальных отношений между социальными группами людей и только через эту связь могут принимать количественно определяемую или соизмеримую форму.

Общая несостоятельность буржуазных экономических концепций демографического роста проистекает из неверной оценки качественной природы воздействия экономического фактора на тенденции движения населения. В капиталистическом обществе «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком), — тоже является условиями производства, основанного на капитале»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 386.

Буржуазные социологические теории воспроизводства населения отражают общее состояние разработки проблем народонаселения в буржуазной общественной науке. Социологическое обобщение процессов естественно-го и механического движения населения мыслится буржуазными авторами как средство синтезированного подхода к анализу воспроизводства населения, который позволит раскрыть закономерности движения народонаселения на основе учета широкой гаммы социальных, экономических и психологических факторов.

В настоящее время на развитие буржуазных социологических теорий народонаселения оказывает значительное воздействие достигшая исключительной остроты идеологическая борьба в современных общественных науках.

Однако в высказываниях и концепциях буржуазных ученых не может не отразиться воздействие марксистско-ленинских идей. Разумеется, это воздействие не всегда является прямым и непосредственным, оно также и не обязательно проявляется в форме полемики того или иного автора с марксистской трактовкой закономерностей воспроизводства и развития народонаселения, но оно, несомненно, сказывается уже в усилении внимания буржуазных авторов к анализу показателей естественного и механического движения населения в контексте социально-экономических проблем общественного развития.

Описание социальных аспектов воспроизводства населения характерно и для современного мальтузианства и неомальтузианства. Но если в мальтузианской и неомальтузианской концепции акцент исследования переносится на подчеркивание негативных социально-экономических последствий увеличения численности населения, или на неопределимые трудности роста благосостояния народов, вследствие «чрезмерных темпов роста населения», то в социологической теории акцентируется воздействие социальных факторов на изменения в режиме воспроизводства населения.

Это отнюдь не означает невозможности мальтузианских и неомальтузианских рецидивов в социологических построениях буржуазных авторов. Важно отметить другое обстоятельство: в социологических работах буржуазных авторов, в отличие от мальтузианских и неомальтузианских исследований, разбирается и анализируется

социальная обусловленность демографических процессов. При этом социологические работы не столько противостоят мальтузианским и неомальтузианским концепциям, сколько дополняют их, образуя своеобразный единый, разумеется, не свободный от внутренних противоречий теоретический фундамент современной буржуазной демографической науки.

Наибольшее распространение в социологических исследованиях народонаселения получили концепции «демографической эволюции» и «демографического перехода».

В рамках концепции «демографической эволюции» рост народонаселения рассматривается в контексте коренных сдвигов в уровне развития человеческой цивилизации. Как утверждает ее автор американский социолог А. Холли, рост населения произведен от его наличной численности, структуры в данный период и социальной организации¹.

Нетрудно заметить, что социальные факторы роста населения, по Холли, не отражают специфических форм общественного развития и отношений. Между тем именно они оказывают определяющее воздействие на формирование социального механизма воспроизводства населения. Холли же отводит решающую роль в формировании режима воспроизводства населения лишь «универсальным» показателям социального прогресса. Конкретные же параметры воспроизводства населения он выводит не из совокупности общественных отношений, а из интенсивности индивидуальных и социальных отношений внутри семьи и между группами людей; от уровня благосостояния отдельных социальных групп и от численности населения, потребляющего общественное богатство².

Среди внешних социальных факторов Холли придает первостепенное значение интенсивности человеческого общения. Эта интенсивность, по его мнению, соответствует различным уровням социального развития общества. Она стимулирует перераспределение людей по территории отдельных стран и районов мира и способствует снижению рождаемости в условиях чрезвычайно воз-

¹ Hawley A. Population and Society. Fertility and Family Planning, 1969, p. 189.

² Hawley A. Op. cit., p. 194.

растающей степени общения и подвижности индивидуумов¹.

Современному развитому обществу, считает Холли, свойствен «демографический рационализм». Иными словами, человечество в разных районах мира в значительной степени саморегулирует свое воспроизводство².

Вместе с тем в теории Холли нельзя не увидеть и некоторых завуалированных рецидивов мальтузианства. Так, отмечая основные факторы роста народонаселения, Холли противопоставляет численность населения его организации. Затем, когда он разбирает подробнее соотношение между численностью населения и его организацией, он осторожно выдвигает неомальтузианский тезис о «давлении населения на формы его организации»³ и развивает это положение таким образом, что якобы это давление и способствует развитию демографического рационализма как на уровне отдельных семей, так и в обществе в целом.

Концепция Холли стала своеобразной теоретической основой для современных буржуазных концепций общих схем воспроизводства населения, так как в ней была выдвинута гипотеза о стадийном характере режима демографических процессов. И не случайно поэтому, что теория Холли, оставаясь концепцией демографической эволюции развития общества, дополняется более конкретными положениями в рамках прикладных теорий демографического роста.

Теория «демографического перехода» — одна из наиболее популярных и широко распространенных в буржуазной демографической литературе. В наиболее законченном виде она была сформулирована американским социологом Ф. Нотештейном, развившим идеи французских демографов А. Ландри и А. Сови о стадийном характере изменения в режиме демографических процессов.

Сущность теории Нотештейна может быть суммирована в выдвинутых им трех последовательных стадиях демографического роста, разграничиваемых в зависимости от темпов естественного прироста населения.

¹ Ibid., p. 195.

² Ibid., p. 196.

³ Ibid., p. 203.

В коллективном научном труде ученых США, Англии, Франции, ФРГ, Италии «Изучение народонаселения» концепция демографического перехода объявляется современной теорией истолкования исторических изменений в народонаселении¹.

Несостоятельность подобного отождествления описания интенсивности изменений в режиме воспроизводства населения и истолкования содержания изменений в народонаселении очевидны. Демографические процессы эволюционируют в зависимости от изменений в качественных условиях труда и жизни населения. При этом содержание изменений в народонаселении выходит далеко за рамки меняющихся темпов его роста. Историческая оценка долгосрочных изменений в численности и структуре народонаселения должна строиться на основе присущего каждой социально-экономической формации типа воспроизводства населения в целом, в котором находит отражение соотношение интенсивности естественного, социального и механического движения народонаселения.

В своей основе схемы «демографического перехода» и «демографической эволюции» Холли и Нотештейна, равно как и солидарные с ними точки зрения по этому вопросу, есть своеобразное «демографическое отражение» уже подвергшихся критике в нашей экономической и социально-экономической литературе теорий стадий экономического роста и «развития человеческой цивилизации» У. Ростоу и А. Тойнби.

Характерная особенность этих концепций состоит, следовательно, в том, что в них заметно отчетливое стремление найти «демографическое подтверждение» общей теории социально-экономического развития общества, выдвигаемой буржуазной общественной наукой.

В настоящее время в США делаются попытки конкретизации концепции «демографического перехода». Так, Д. Коугил разграничивает, в рамках тенденций к стабилизации уровня рождаемости и смертности, четыре возможных типа кратковременных изменений в динамике рождаемости и смертности. Рост населения в таком случае происходит по синусоиде².

¹ The Study of Population, op. cit., p. 56.

² Cowgill D. The Theory of Population Growth Cycles. Population Theory and Policy, 1956, p. 163.

С этой точкой зрения перекликаются и соображения о наличии различных вариантов «демографического перехода», т. е. типов изменений в демографической структуре общества, которые могут соответствовать «классической западноевропейской схеме»¹ эволюции демографического роста, или ускоренным изменениям в народонаселении, происходящим в настоящее время в странах Азии и других развивающихся районах мира.

Нетрудно заметить, что утверждения о наличии различных фаз «демографического перехода» и различных вариантов изменений в демографических структурах говорят о попытках развить идеи Холли и Нотештейна применительно к конкретным изменениям в современной демографической ситуации. Если Нотештейн лишь в общем виде, на основе абстрактных рассуждений о «модернизации условий общественной жизни», объяснял лишь изменения в численности населения и темпах его роста, то Коугил и некоторые другие авторы рассматривают демографический переход как совокупность не только количественных, но и структурных сдвигов в народонаселении в определенные исторические периоды.

Разумеется, в принципе нет необходимости отрицать те значительные структурные изменения в народонаселении, которые имели место на протяжении социально-экономического развития человеческого общества. Однако динамика изменений демографических процессов неразрывным образом связана не только с общим поступательным прогрессом человеческой цивилизации, но и с качественными изменениями в способе производства. Суть смены одного режима воспроизводства населения другим заключалась не в саморегулировании демографических процессов, которые, по мнению индийского демографа Н. В. Совани, «адаптируются или приспособляются к уровню развития экономики и социальных отношений»², а в том, что тот или иной режим воспроизводства населения непосредственно проистекает из качественных особенностей активной созидательной деятельности, условий духовной и культурной жизни самодостаточного или активного населения человеческого

¹ Omran A. The Theory of Population Change. The Milbank Memorial Found Quarterly, October 1971, p. 509.

² International Population Conference. London, 1969, VIII, p. 1661.

общества, подвергавшегося или не подвергающегося на разных этапах исторического развития различным формам эксплуатации.

Демографические процессы, конечно, обладают большой инертностью развития, но эта инертность теряет свое доминирующее значение, если рассматривать развитие и рост народонаселения в широкой исторической перспективе. И тогда мы увидим, что режим воспроизводства населения находится в прямой зависимости не просто от социальных внешних факторов, а от *характера* их воздействия на демографическое поведение отдельных семей и всего общества в целом. Об этом свидетельствует «необъяснимая» для буржуазных демографов быстрота смены «стадий демографического перехода» в СССР. В условиях социализма понадобилось немногим более 40 лет для изменения режима воспроизводства населения страны по сравнению с показателями воспроизводства населения России в дореволюционный период.

При социализме сдвиги в режиме воспроизводства населения связаны с коренными изменениями в исторических условиях его труда и жизни, с формированием качественно новых характеристик человека, освобожденного от эксплуатации.

В самое последнее время в буржуазной демографии наметилась тенденция разработки таких вариантов теоретико-социологического обобщения динамики демографических процессов, которое основывается на познании «внутреннего механизма взаимодействия» отдельных компонентов народонаселения⁴. При этом утверждается очень ограниченная польза общей социологической теории населения в условиях, когда совершенно не разработаны методы анализа закономерных изменений в динамике рождаемости, смертности, миграции.

В таком подходе налицо явное противопоставление «макро» и «микро» уровней социологического анализа воспроизводства населения. Неудовлетворенность в этих общих выводах, в поисках глобальных законов естественного и механического движения народонаселения вынуждает буржуазных демографов искать отныне закономерности движения народонаселения на основе изу-

⁴ Fawcett G. Psychology und Population. New York, 1970, p. 21.

чения динамики отдельных демографических показателей.

Буржуазные авторы считают, что социологические и социально-психологические методы исследования движения народонаселения могут принести наиболее ощутимую пользу лишь в прикладных исследованиях динамики рождаемости, смертности, плодovitости и т. д.

Такая оценка значения социально-психологических исследований неправомерна. В ней изучение, например, плодovitости не увязывается с задачами комплексного изучения народонаселения, а абсолютизируется.

Социально-психологические исследования динамики плодovitости и рождаемости носят преимущественно характер прикладных работ. Теоретические же обобщения сводятся, как правило, к разбору технического инструментария социологического или социально-психологического обследования отдельных семей или социальных групп населения.

Таким образом, сущность буржуазного теоретического подхода к анализу динамики плодovitости заложена в определении индивидуальной потребности родителей в детях, на основе обобщения статистики мнений, раскрывающих репродуктивные стремления личности.

Между тем, как справедливо подчеркивают советские демографы В. Белова и Л. Дарский, «потребность в детях — это обычная социально детерминированная и социально регламентируемая потребность... существуют довольно жесткие рамки социально поощряемых размеров семьи и... социальные нормы в этом отношении так же, как и в других, регулируют социальный процесс — рождаемость»¹.

В буржуазной же демографии понятие «общественные нормы репродуктивного поведения» отсутствует, проблема изучения плодovitости чаще всего сводится к комбинированному учету трех групп факторов: «культурного уровня обследуемых», «учету индивидуальных мотивов», «степени распространения противозачаточных средств».

Из такого подхода и проистекают принципиальные ошибки в оценке корреляционных связей между динамикой демографических показателей и обуславливаю-

щими их социально-психологическими факторами. Так, если в методическом отношении оригинальное исследование Р. Фридмена «Современные представления о факторах плодovitости»¹ представляет определенный интерес, так как автор разграничивает зависимые и независимые переменные, определяющие уровень рождаемости и репродуктивное поведение семей, то концепция Фридмена все же неприменима для выведения общих закономерностей репродуктивной установки личности.

Дело в том, что Фридмен под зависимыми переменными понимает социальные мотивы репродуктивного поведения, а под независимыми — чисто биологические аспекты репродуктивного поведения. В выводах Фридмена имеет место эклектическое смешение социальных и биологических аспектов формирования репродуктивной установки личности, а не показ их взаимозависимости, итоговой обусловленности мотивов социально-психологического поведения личности от конкретных форм и норм организации общественной жизни в целом.

Аналогичный недостаток характеризует и исследование Д. Боуга², классифицирующего соответственно факторы, способствующие низкой и высокой плодovitости. Эти попытки знаменуют собой простое суммирование общих социальных условий существования семей с их индивидуальными намерениями и предпочтениями.

Такая позиция типична для узких рамок буржуазного социологического описания динамики плодovitости. Ибо в анализе Боуга и Фридмена, несмотря на интересные эмпирические материалы о желаемых размерах семей в США, уровень рождаемости в целом по стране ассоциируется с индивидуальными репродуктивными установками и фактически рассматривается сквозь призму индивидуального репродуктивного поведения, а не как производный от совокупности условий труда и жизни населения.

Здесь налицо явная переоценка роли внутрисемейных отношений и абсолютизирование специфики психологического склада личности при определении закономерностей репродуктивного поведения семьи и отдельных социальных групп населения.

¹ Изучение мнений о величине семьи. Новое в зарубежной демографии. М., 1971, с. 127—155.

² Mass Communication and Motivation for Birth Control, ed. Bogue. D. Chicago, 1967, p. 11.

¹ Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972, с. 139.

Наиболее явно эта абсолютизация проступает в «аналитической социально-психологической гипотезе плодовитости»¹, согласно которой учет социологических факторов рождаемости есть не что иное, как производное от психологических устремлений индивидуума².

Положительное значение, которое будет иметь прогресс в области исследований особенностей психологического склада личности в формировании ее репродуктивной установки, очевидно. Необходимость подобных исследований признается марксистами. Психологические исследования — составная часть комплексного подхода к изучению развития народонаселения. Но буржуазные теоретики аналитической психологической гипотезы Р. Полман, К. Дейвис, Д. Фоссет и другие определенно высказываются за то, что психологические факторы преобладают над социальными, что в действительности непосредственно на динамику плодовитости воздействует в значительно большей степени психологический склад личности и интимно-психологические связи внутри семьи, нежели социально-экономический статус семей, приверженность религиозным канонам или профессиональная работа женщин³.

Они ошибочно разделяют и противопоставляют сам процесс формирования репродуктивной установки личности и ее репродуктивное поведение.

В такой постановке вопроса проступает не только отказ от разработки целостного теоретического объяснения изменений в уровне рождаемости и плодовитости — важнейших показателей того или иного режима демографических процессов. Здесь налицо чисто эмпирический подход к анализу сложных социальных процессов. Этот эмпиризм неотделимо связан с методологической непоследовательностью и ограниченностью буржуазных авторов, сознательно углубляющих разрыв между гуманитарным и естественнонаучным познанием сложного механизма демографических процессов.

В самом деле, что представляет собой в реальности перечень социальных факторов, воздействующих на динамику плодовитости и рождаемости по Фридмену, Бугу, Фоссету и другим? В их трактовке это не что иное,

как набор извечных внеисторических категорий, не являющихся продуктом общественных отношений. В действительности, как известно, именно общественные отношения определяют классовую дифференциацию и стратификацию общества.

По мнению же буржуазных теоретиков, социальные факторы и причины, детерминирующие демографические процессы, сводятся лишь к взаимоотношениям отдельных лиц. В этом смысле в социально-психологических концепциях воспроизводства населения мы видим непонимание природы человеческого общения, которое рассматривается как нечто не имеющее прямого отношения к системе социальных связей в структуре общества.

К. Маркс отмечал, что в общественной науке следует рассматривать не отношения одного индивида к другому индивиду. Люди вступают «...в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создадо — и повседневно воссоздадо — существующие отношения»¹.

Что же касается концепций, в которых абсолютизируется значение психологического склада личности в формировании репродуктивной установки семьи, то здесь следует отметить, что в этом теоретизировании человеческая сущность рассматривается в узких рамках межиндивидуального общения людей, в контексте интимного отношения между ними.

Несостоятельность такого подхода показана классиками марксизма. К. Маркс в свое время критиковал Л. Фейербаха за то, что человеческая сущность у него «может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только природными узами»². «Но сущность человека, — писал К. Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»³.

¹ Fawcett J. Op. cit., p. 29.

² Ibid., p. 127.

³ Ibid., p. 94.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 439—440.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

³ Там же, с. 3.

В буржуазных экономических и социологических концепциях демографического роста присутствуют и некоторые реальные описания ряда факторов, определяющих изменения в механизме воспроизводства населения. Однако именно в этих описаниях ярко проявляется ограниченность буржуазной демографии, стремящейся познать лишь различные виды только функциональной связи между показателями естественного движения населения.

Причинные же зависимости между основными демографическими показателями и социальной средой анализируются буржуазными теоретиками лишь в рамках укоренившихся общих представлений, о воздействии социальной среды на воспроизводство и развитие народонаселения. «Но такое общее «обычное» представление, — писал В. И. Ленин, — охватывает различие и противоречия, но не переход от одного к другому, а это самое важное»¹ в анализе социальных процессов и в выявлении реального отражения в процессах народонаселения закономерностей общественного развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 128.

Я. Гузеватый

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ ВСЕМИРНОГО ГОДА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Возникшая в современном мире беспрецедентная по своим глобальным масштабам проблема серьезных последствий воздействия человечества на природную среду (с ее демографическим, экологическим, продовольственным, энергоресурсным и другими аспектами) стала одним из наиболее резких проявлений дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, усиления всех его противоречий в процессе научно-технической революции. Неудивительно, что она оказалась в центре острой идеологической борьбы, происходящей на мировой арене между защитниками исторически обреченного капиталистического строя и силами общественного прогресса.

Стремясь скрыть от народов мира подлинную социальную природу этой проблемы, подсказать ложный путь к ее решению, идеологи империализма вновь подняли на щит пресловутую теорию народонаселения Мальтуса в ее различных позднейших модификациях, объясняющую особенности исторического развития в конечном итоге действием внесоциальных, биологических закономерностей. Усилиями империалистических кругов, и прежде всего монополистического капитала США, на международной арене развернулась небывавшая кампания мальтузианской пропаганды вокруг сложившейся в развивающихся странах новой демографической ситуации и была предпринята отчаянная попытка навязать ООН мальтузианские рекомендации в качестве официальной международной политики. Эта активность достигла своей кульминации в преддверии со-

стоявшейся в августе 1974 г. в Бухаресте Всемирной конференции ООН по народонаселению. И хотя на самой конференции современные мальтузианцы потерпели сокрушительное поражение, они отнюдь не сложили оружие и настойчиво ищут новые средства для восстановления своих идеологических позиций. Но прежде всего империалистическая пропаганда пытается опорочить, представить в ложном свете действительные результаты бухарестской конференции, которые стали ярким свидетельством неопорочимости марксистско-ленинского учения в вопросах народонаселения.

Вот почему ретроспективное изучение проимпериалистических маневров современных мальтузианцев в период подготовки и проведения Всемирного года народонаселения в 1974 г., а также действительная оценка итогов Всемирной конференции по народонаселению в Бухаресте отнюдь не удел одной лишь истории, а отвечает актуальным задачам идеологической борьбы сегодняшнего дня.

В послевоенные десятилетия оплотом международного неомальтузианства стали США, где резко возросший интерес к вопросам народонаселения имел отчетливо выраженную проимпериалистическую подоплеку. Так, примечательным толчком для активизации идеологической и политической деятельности в этой области послужил в 1952 г. доклад президентской комиссии по материальным ресурсам, в работе которой участвовали Лоуренс Рокфеллер и другие видные представители американского монополистического капитала. В частности, члены комиссии, подчеркнув зависимость Соединенных Штатов в сырьевом отношении от развивающихся стран, дали понять, что ускорившийся рост населения в этих странах угрожает американским интересам, поскольку, как отмечалось в докладе, «оказывает сильное давление на наличные естественные ресурсы»¹. Не случайно в том же 1952 г. старший член семьи Рокфеллеров Джон Рокфеллер Третий (занимающийся делами Фонда Рокфеллеров и другой попечительской и благотворительной деятельностью) созвал совещание бизнесменов, политиков, идеологов, на котором были обсуждены «опасные», с точки зрения монополистов США, последствия возник-

ших в развивающихся странах демографических сдвигов и принято решение о необходимости проведения политики ограничения роста населения этих стран. Задача разработки, пропаганды и финансирования такой политики была первоначально возложена на созданный в итоге совещания «Совет по народонаселению», первым президентом которого стал сам Джон Рокфеллер. Средства в размере 3,2 млн. долл. предоставил Фонд Рокфеллера и еще 1 млн. долл. дал Фонд Форда; весь же бюджет Совета в период 1952—1958 гг. достиг 4,5 млн. долл. В последующее десятилетие 1958—1964 гг. бюджет уже возрос до 18,3 млн., из которых 8,4 млн. предоставил Фонд Форда, 5,4 млн. — Фонд Рокфеллера и 2,9 млн. поступило от группы Меллона¹.

Второй толчок американской активности в области народонаселения дал правительственный комитет, назначенный президентом Эйзенхауэром в 1958 г. для изучения эффективности американской военной «помощи» и «военной безопасности» в западном полушарии. Комитет возглавил генерал Вильям Дрейпер, в прошлом представитель США в штабе НАТО, банкир, после войны экономический советник оккупационной администрации США в Германии и Японии, иными словами, человек, который был тесно связан с верхушечными кругами американской военщины и бизнеса. В состав комитета входили также банкир Джозеф Додж и председатель совета управляющих рокфеллеровского банка «Чэйз манхэттен» Джон Макклой. В подготовленном ими докладе впервые содержалась официальная рекомендация американскому правительству помогать ограничению быстрого роста населения стран, которым США оказывают экономическую помощь².

После выхода в отставку генерал Дрейпер целиком переключился на политическую деятельность по вопросам народонаселения. В 1966 г. под его председательством на средства частных фондов был образован «Комитет кризиса населения», занявшийся энергичной неомальтузианской пропагандой, финансированием деятельности по ограничению рождаемости, а главное ставший своеобразным неомальтузианским «лобби» при американском правительстве. При содействии «Комитета» значи-

¹ Barclay W., Enright J., Reynolds R. T. Population Control in the Third World, NACLA Newsletter. New York, vol. 4, № 8, p. 4.

¹ Ibid., p. 3.

² Ibid., p. 4.

тельные американские субсидии, частные и государственные, были выделены на расширение активности существовавшей с 1952 г. с центром в Лондоне «Международной федерации планирования семьи», которая избрала генерала Дрейпера членом своего руководящего комитета, а впоследствии провозгласила почетным патроном. Дрейпер стал также вице-президентом Американской федерации планирования семьи и одним из руководителей «Кампании за контроль над взрывом населения», объединившей в пропагандистских целях представителей различных организаций неомальтузианского толка.

Эти многочисленные организации, от возникшего еще в 1929 г. «Реферативного бюро по населению» до учрежденного только в 1968 г. «Комитета нулевого роста населения», в конечном итоге предлагали одну панацею от всех социальных бед — ограничение рождаемости. Так, в пропагандистских объявлениях, регулярно публикуемых в газетах от имени вышеупомянутой «Кампании», настойчиво утверждалось: «Неважно, какое дело Вы защищаете, это проигранное дело без контроля над населением!».

С середины 60-х годов в сферу деятельности по народонаселению официально включилось американское правительство. Сигналом послужило ставшее широко известным выступление бывшего президента США Джонсона в ООН, в котором, в частности, было заявлено, что пять долларов, инвестированных в контроль над рождаемостью, стоят 100 долларов, затраченных на экономические цели. Управление Международного развития госдепартамента США, занимающееся вопросами экономической помощи, впервые начало оказывать поддержку национальным программам контроля над рождаемостью в развивающихся странах. Эти операции приобрели широкий размах и стали отличаться наступательным характером после 1967 г., когда в рамках Управления был создан специальный отдел народонаселения и резко выросли утвержденные конгрессом расходы на демографическую политику и исследования: с 10,5 млн. долл. в 1965/67 финансовых годах до 35 млн. в 1968 г., 45 млн. в 1969 г., 74,6 млн. в 1970 г. и 96 млн. в 1971 г. Из общей суммы расходов 55%, или 144 млн. долл., пошли на прямое финансирование национальных и региональных программ контроля над

рождаемостью (в том числе в Индии, на Филиппинах, в Пакистане, Южной Корее, Таиланде, Индонезии); остальные 45%, или 118 млн., составили субсидии на те же цели, но предоставленные специализированным агентством ООН, Международной Федерацией планирования семьи, Совету по народонаселению, Фонду Патфиндера, Всемирной службе церкви, а также ассигнования университетским центрам на учебную и научную работу по вопросам народонаселения¹.

Другой американской правительственной организацией, финансирующей демографическую деятельность как внутри страны, так и за рубежом, является Центр исследований населения, открывшийся в 1968 г. при «Национальном институте детского здравоохранения и развития человека».

Неомальтузианская политическая активность в США достигла апогея в 1969 г., когда впервые в истории страны ее президент, в то время Ричард Никсон, обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором подчеркнул угрозу быстрого роста мирового населения и заявил, что, по мнению правительства США, ООН и другие международные организации должны взять на себя руководство в этой ситуации и что США окажут им свое полное содействие. «Я попросил государственного секретаря и главу Управления Международного развития, — сказал Никсон, — придать высший приоритет вопросам населения и планирования семьи среди наших других программ помощи по степени внимания к ним, при выделении специалистов, проведении исследований и предоставлении фондов. Я также попросил министров торговли и здравоохранения, директоров корпуса мира и информационного агентства США уделить пристальное внимание вопросам населения, когда они будут планировать свои зарубежные операции»².

Требование стабилизации населения стало главным лозунгом американских неомальтузианцев на международной арене, где они выступили с инициативой органи-

¹ Population Program Assistance, AID Office of Population, Washington, December 1971, p. 22—23.

² Message from the President of the United States Relative to Population Growth. 91-st Congress, 1-st Session, House of Representatives, Document № 91—139, p. 3.

зации Всемирного года народонаселения, призывая использовать это мероприятие для принятия всеобщей политики ограничения рождаемости в качестве решающего средства предотвращения якобы неминуемой в ином случае опасности мирового голода, истощения природных ресурсов и катастрофического загрязнения окружающей среды.

Рекомендация о проведении под эгидой ООН Всемирного года народонаселения и Всемирной конференции по народонаселению была принята в 1969 г. на 16-й сессии Комиссии ООН по народонаселению не без давления американской стороны¹. Именно к этой сессии на пост официального представителя США специальным решением президента Никсона был назначен генерал Дрейпер, который выступил с предложением считать целью политики населения (как в национальных рамках, так и на международном уровне) достижение к концу века нулевых темпов роста населения. В поддержку этой неомальтузианской идеи была развернута широкая пропагандистская кампания силами специальных правительственных учреждений ряда империалистических стран (агентств международного развития США, Швеции, Норвегии и Канады, агентства зарубежного технического сотрудничества Японии, соответствующих учреждений Англии, Голландии, Дании и ФРГ), а также ряда неправительственных международных организаций, прежде всего Международной федерации планирования семьи.

Важным практическим шагом империалистических кругов в попытках установить контроль над деятельностью ООН в области народонаселения явилось учреждение в том же 1969 г. в Нью-Йорке Фонда ООН по народонаселению, финансовую базу которого на 80% составили денежные взносы американского правительства. К 1973 г. доходная часть бюджета Фонда возросла с 5 до 42,5 млн. долл., в том числе 18 млн. долл., или 42%, обеспечили взносы США и свыше 22 млн. долл., или около 50%, предоставили Англия, ФРГ, Япо-

¹ Рекомендация Комиссии о проведении в 1974 г. под эгидой ООН Всемирной конференции по народонаселению была одобрена в апреле 1970 г. Экономическим и социальным советом ООН. В декабре 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила 1974 г. Всемирным годом народонаселения (ВГН).

ния, Канада, Швеция, Норвегия, Дания и Голландия. Официальной задачей фонда было оказание финансовой поддержки демографической политики в развивающихся странах по запросам их правительств. Но хотя Фонд предоставлял средства от имени ООН, другие официальные и представительные органы в системе ООН (так же как Отдел народонаселения Секретариата ООН, Комиссия ООН по народонаселению, различные специализированные агентства), в которых участвуют социалистические страны, фактически не могли влиять на политику этого финансирования, исходившую в основном из неомальтузианских установок. Так, за период 1969—1972 гг. в общей сумме расходов Фонда 45% составили субсидии на мероприятия по контролю над рождаемостью и только 26% — на совершенствование демографического учета и другие демографо-статистические цели (еще 12% было затрачено на информацию и образование, 12% — на планирование исследовательской деятельности и 5% составили прочие расходы). Особенно возросла активность Фонда в период подготовки и проведения мероприятий Всемирного года народонаселения, когда он фактически начал играть руководящую роль в организации всех этих мероприятий, стремясь нацелить их на пропаганду и практическое осуществление политики ограничения рождаемости.

Как известно, в рамках Всемирного года народонаселения (ВГН) состоялись международные, региональные и национальные конференции, семинары, совещания по вопросам народонаселения, были предприняты различного рода демографические исследования. Небывалый размах получила информационно-пропагандистская деятельность по вопросам населения — публикация книг, брошюр, журнальных и газетных статей, распространение плакатов и листовок, радио- и телепередачи. В районах с преобладанием неграмотного населения в пропагандистских целях проводились народные фестивали, театрализованные фольклорные представления. Во многих странах действовали специальные комитеты, которые координировали все эти мероприятия в национальных рамках.

Центральным мероприятием Года стала Всемирная конференция ООН по народонаселению, которая состоялась в Бухаресте (Румыния) 19—30 августа 1974 г. с участием правительственных делегаций около 140 стран

мира, а также наблюдателей от специализированных агентств ООН, от многочисленных международных неправительственных организаций и национальных освободительных движений, пользующихся признанием Организации Африканского Единства или Лиги Арабских Государств. Это было беспрецедентным мероприятием подобного рода не только по числу участников. Впервые в истории международных отношений собрались официальные представители правительств почти всех стран мира для принятия согласованных политических решений по следующим вопросам населения мира: современные демографические тенденции и перспективы на будущее; демографические изменения и экономическое и социальное развитие; народонаселение, ресурсы и окружающая среда; народонаселение и семья; всемирный план действий в области народонаселения. Последний представлял собой главный результат работы Конференции и имел ключевое значение для всего комплекса мероприятий Года.

Параллельно с официальной Конференцией ООН в Бухаресте состоялись и другие весьма представительные совещания. 11—15 августа состоялась Международная молодежная конференция по народонаселению с участием около 200 юношей и девушек из почти 100 стран всех частей света, которые обменялись информацией, высказали свои соображения по проекту Всемирного плана действий и приняли «Программу действий молодежи в области народонаселения и развития». Три дня (с 15 по 17 августа) продолжалась международная встреча более чем 250 журналистов, перед которыми выступали с изложением своих взглядов известные специалисты по вопросам народонаселения. 14—17 августа Международный семинар антропологов и этнографов обсудил культурные последствия демографических изменений, а 21—26 августа состоялся семинар, посвященный роли народного искусства в осуществлении демографической политики.

Особенно важное значение имела «Трибуна населения», которая проходила 18—30 августа и представляла собой своеобразный конгресс мировой общественности, созванный международными неправительственными организациями с Консультативным статусом при Экономическом и Социальном Совете ООН. Его целью было обеспечить форум для свободных, неформальных дискус-

сий по широкому кругу вопросов населения мира, в том числе по проекту Всемирного плана действий, и тем самым дополнить работу Конференции ООН, ограниченную рамками официального регламента. На «Трибуне» было зарегистрировано около 1400 участников, в том числе 300 официальных наблюдателей от неправительственных организаций, остальные на индивидуальной основе представляли различные научные, женские, молодежные, профсоюзные, клерикальные и другие общественные группы. Фактическое число участников было больше, поскольку на заседаниях «Трибуны» присутствовали и выступали в дискуссиях значительное число делегатов Конференции ООН, включая руководящих работников различных агентств ООН.

Как и Всемирная конференция ООН, бухарестские неправительственные совещания стали местом жарких дискуссий по вопросам теории и политики народонаселения, поскольку их участники представляли самые различные общественные силы и, следовательно, отстаивали разные политические позиции и идеологические установки.

Провал неомальтузианских планов на Всемирной Конференции ООН по народонаселению

Международная общественность активно поддерживала мероприятия Всемирного года народонаселения как важную форму конструктивного международного сотрудничества, которая способствовала углублению демографических исследований, а главное более отчетливому пониманию значения демографических факторов в экономическом и социальном развитии. Вместе с тем, как и следовало ожидать, самый решительный отпор был оказан неомальтузианским рекомендациям. Широкие дискуссии в рамках ВГН, а также достаточно длительный опыт осуществления демографической политики в ряде развивающихся стран убедительно подтвердили научную несостоятельность и практическую бесплодность мальтузианских концепций. Столь же закономерно и неизбежно все те, кто в ходе этих дискуссий и практических мероприятий искренне пытался найти правильное объяснение демографическим закономерностям

и решение проблем народонаселения — включая серьезных ученых и значительную часть научной молодежи в США, — приходили к принятию принципиального положения марксизма о зависимости демографических явлений от социально-экономических условий, о комплексном, многофакторном характере проблем народонаселения, для решения которых в первую очередь необходимы коренные общественные преобразования. Это может служить яркой иллюстрацией к известному замечанию В. И. Ленина о том, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно»¹.

Несостоятельность мальтузианских рекомендаций отчетливо выявилась уже во время предварительной подготовки базовых рабочих документов для Всемирной конференции по народонаселению на четырех специальных симпозиумах экспертов ООН.

Так, в выводах симпозиума по «народонаселению и развитию» (Каир, 4—14 июня 1973 г.) особо отмечалось, что «понимание социально-экономических детерминантов тенденций в области народонаселения является необходимым для более полного осознания процесса развития» и что «политика в области народонаселения, какой бы она ни была, не может сама по себе решить основные мировые проблемы, а вопросы народонаселения не должны отвлекать внимание от ключевых вопросов процесса мирового развития... В любом случае политика в области народонаселения должна быть составной частью политики и планирования развития, ...поощряющие более быстрый экономический рост и соотвествующие социальные структуры»².

Выводы симпозиума по «народонаселению и семье» (Гонолулу, 6—15 августа 1973 г.) подчеркивали, что «изменение характера динамики семьи, в частности понижения фертильности, глубоко связаны с процессами социального и экономического развития» и что политика народонаселения должна учитывать не только национальный суверенитет, но и права и привилегии отдельных лиц и семей. «Вследствие этого, политика не должна быть принудительной, но должна предоставлять выбор для отдельных лиц и семей»³.

Симпозиум по «народонаселению, ресурсам и окружающей среде» (Стокгольм, 26 сентября — 5 октября 1973 г.) пришел к общему мнению, что «при экономном и бережном использовании полезных ископаемых, энергии, земли, вод и других природных ресурсов их потенциально будет достаточно для удовлетворения в течение многих последующих десятилетий потребностей увеличивающегося населения мира»¹. В частности, на симпозиум был представлен доклад проф. Р. Ривелла, директора Центра по изучению вопросов народонаселения Гарвардского университета (Кембридж, США), расчеты которого показывали, что при наличии затрат и технологии, сравнимых с затратами и технологией типичной кукурузной фермы штата Айова (США), от 40 до 50 млрд. человек могли бы быть обеспечены полноценным питанием².

Тот же симпозиум пришел к заключению, что «во всемирном масштабе имеющиеся абсолютные запасы полезных ископаемых не создадут каких-либо ограничений для роста населения... Даже сегодня значительные районы земли не были подвергнуты подробному изучению, необходимому для открытия ресурсов. В особенности это справедливо для дна морей и для слоев, находящихся более чем в нескольких метрах под поверхностью земли, но это также верно и в отношении значительной части открытой земной поверхности»³.

Участники симпозиума по «народонаселению и правам человека» (Амстердам, 21—29 января 1974 г.) подчеркнули право супругов выбирать количество желаемых детей и получать соответствующую информацию, методы и средства для осуществления этого выбора, а также пришли к единодушному соглашению, что «дальнейшее раскрепощение женщины, позволяющее ей наиболее полно воспользоваться всеми благами жизни и ставящее ее на один уровень с правами мужчин, должно учитываться как важнейший фактор в деле определения и проведения в жизнь политики в области народонаселения»⁴.

¹ E/CONF. 60/CBP/3, Russian, p. 9.

² E/CN.9/307, 19 February 1974, Russian, p. 18.

³ Ibid., p. 20.

⁴ E/CONF. 60/CBP/4, Russian, p. 8.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.

² Документ ООН: E/CONF. 60/CBP/I, Russian, p. 33, 37.

³ E/CONF. 60/CBP/2, Russian, p. 42—43.

Особенно отчетливо выявилась идеологическая изоляция современных мальтузианцев в Бухаресте на Всемирной конференции ООН и параллельных совещаниях международных неправительственных организаций, которые стали своеобразным мировым референдумом по вопросам народонаселения и общественного развития.

Принятый Конференцией после продолжительных и бурных дебатов «Всемирный план действий в области народонаселения» (достаточно сказать, что в первоначальный проект Плана в ходе этих дебатов было внесено что-то около 340 поправок) решительным образом отвергал идею самодовлеющего значения демографических факторов, подчеркивая тесную взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов и рассматривая свои задачи в широком контексте всех других планов и программ ООН, прежде всего в свете Международной стратегии на второе десятилетие развития. Главная цель Плана — координировать демографические тенденции с экономическими и социальными тенденциями, имея в виду, что «основой для эффективного решения проблем народонаселения в первую очередь является социально-экономическая трансформация» и что «политика народонаселения может иметь определенный успех, если она составляет часть социально-экономического развития». План выдвигал в качестве важной демографической задачи максимально возможное снижение уровня смертности на основе интенсивного социального и экономического развития, с тем чтобы повысить среднюю продолжительность жизни в развивающихся странах до 62 лет к 1985 г. и до 74 лет к 2000 г. Особое внимание предлагалось обратить на сокращение младенческой и детской смертности, бесплодия, нелегальных аборт, болезней и недоедания. В ответ на мальтузианские призывы добиваться повсеместного перехода к двухдетным семьям для достижения «нулевого» роста населения категорически указывалось, что «этот план не признает никакой общемировой нормы размера семей», но исходит из необходимости обеспечить всем семьям возможность иметь желаемое число детей в желаемое время. Вместе с тем высказывалось предположение, что наряду с дальнейшим уменьшением смертности в развивающихся странах произойдет понижение рождаемости с нынешнего уровня 38 человек на 1000 населения до 30 к 1985 г. В

случае, если та или иная страна намерена проводить политику воздействия на рождаемость, рекомендовалось уделять первоочередное внимание программам и планам развития, которые, способствуя экономическому росту и повышению уровня жизни, оказывают решающее влияние на демографические тенденции, в том числе на рождаемость. Правительствам также предлагалось обеспечить полное участие женщин в образовании, социальной, экономической и политической жизни своих стран на равной основе с мужчинами. Среди прочих демографических проблем в Плане рассматривались общественные последствия молодой возрастной структуры и «старения» населения, урбанизации, внутренней и внешней миграции. План намечал международное сотрудничество в области народонаселения в форме оказания прямой технической и финансовой помощи по просьбе национальных правительств или региональных организаций в дополнение к помощи экономическому развитию. Постоянное наблюдение за демографическими тенденциями и программами поручалось соответствующим органам ООН, которым также вменялось в обязанность, начиная с 1977 г. производить их переоценку через каждые два года. Начиная с 1979 г. через каждые пять лет ООН будет предпринимать полную и тщательную оценку достигнутых результатов в выполнении Плана.

Бескомпромиссную позицию в вопросах населения и развития заняла в Бухаресте Международная молодежная конференция. Она обратилась со следующим призывом к молодежи всего мира:

«Мы, молодые люди, прибывшие из почти 100 стран с различным социально-экономическими и политическими условиями... после изучения проблем народонаселения во всех их аспектах:

отрицаем категорически мальтузианские и современные неомальтузианские теории, указывающие на рост населения как на главное препятствие человеческому прогрессу;

считаем, что основная проблема, стоящая перед миром и особенно перед развивающимися странами, не «бум народонаселения», а отсутствие развития...;

заявляем, что концепция развития означает радикальные социально-экономические, политические и культурные изменения, которые обеспечат постоянное улучшение жизненных условий наших народов, социальную

справедливость, равенство и соблюдение основных прав человека, устранение всех форм расовой, половой и религиозной дискриминации;

подчеркиваем, что отсталость, нищета, войны и другие проблемы народонаселения являются прямым следствием империалистической политики господства и экспансии; ...».

Представительницы женских организаций подчеркивали на своей пресс-конференции, что «главная проблема мира не население, а общественное развитие, растущий разрыв между богатыми и бедными странами». «Ужасает на нашей планете не то, что на ней живет слишком много людей, а то, что слишком много жизней гибнет напрасно, именно против этого расточения жизней мы должны бороться», — декларировало «Итальянское женское движение».

На «Трибуне народонаселения» возникла даже «Временная антимальтузианская коалиция», в которую объединились научные работники, преподаватели и общественные деятели из развитых капиталистических и развивающихся стран, решительно выступавших против сторонников «демографического подхода» к решению важнейших социальных, экономических и политических проблем мирового населения. Одна из входивших в эту коалицию групп — «Международная рабочая группа по росту населения и социальному развитию», возглавляемая шведским демографом доктором Э. Хофстеном — подготовила накануне Всемирной конференции ООН «Заявление по случаю Всемирного года народонаселения», которое затем с подписями 228 специалистов по вопросам народонаселения из 29 стран, в том числе социалистических, было разослано в редакции ведущих мировых периодических изданий, различные научные учреждения, а также направлено Генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму и Генеральному секретарю Всемирной конференции ООН Антонио Карильо-Флоресу. В заявлении подчеркивалось, что проблемы народонаселения развивающихся стран не могут быть решены до тех пор, «пока не произойдут коренные структурные изменения, а именно, пока в большинстве развивающихся стран не будут созданы институты, обеспечивающие участие широких народных масс в политической жизни; пока неравноправие в распределении богатств и возможностей не будет устранено и

не будет применена стратегия социального и экономического развития к выгоде всех слоев общества; пока страны «третьего мира» не освободятся от иностранной экономической эксплуатации и политического господства».

Весьма примечательно, что в ряде случаев даже враждебные марксизму общественные силы отмежевались от мальтузианства и пытались использовать в своих интересах заимствованные у марксистской науки и практики методологические принципы (разумеется, выхолащивая их революционное содержание).

Обращала на себя внимание большая активность клерикальных кругов, представители которых участвовали в работе всех бухарестских совещаний. Разъясняя корреспондентам позицию ватиканской делегации на Всемирной конференции ООН, ее глава, епископ Эдуард Ганьон, в частности, говорил о том, что проблемы развития отнюдь не сводятся к росту населения и поэтому сама по себе демографическая политика недостаточна для их решения. Подлинная политика населения, — по его словам, — должна стремиться установить, каким должно быть распределение ресурсов и жилья, как население различных возрастных групп и различных классов может участвовать в национальной и международной жизни и какую ответственность должны взять на себя государства и все мировое сообщество⁴.

Примечательным своей антимальтузианской направленностью был меморандум Христианской мирной конференции, адресованный Всемирной конференции ООН «Трибуне населения». В меморандуме отмечалась необходимость противостоять любой форме неомальтузианства, предупреждалось, что мероприятия в области народонаселения используются прежними колониальными силами и ведущими капиталистическими государствами как предлог для вмешательства во внутренние дела развивающихся стран. Меморандум завершался призывом к разоружению и утверждением, что Христианское мирное движение рассматривает свои выступления в защиту мирного сосуществования, безопасности и сотрудничества между народами как вклад в создание предпосылок к устранению не только симптомов проблемы народонаселения, но и ее корней.

⁴ «PLANET», Bucharest, 26 August 1974, p. 8.

В бухарестских дискуссиях по вопросам населения и развития были широко представлены буржуазно-националистические идеологии развивающихся стран. Выступления их представителей отличались обычно резкой антиимпериалистической направленностью, но, как правило, антиимпериалистические лозунги не сопровождались требованиями решительной борьбы против внутренних реакционных сил, а напоминания о необходимости внешней помощи (реорганизации международных), экономических отношений в интересах развивающихся стран не сопровождались указаниями на необходимость столь же радикальных преобразований отсталой общественной структуры в самих этих странах. Нередко представители этого идеологического направления оказывались в плену ложной концепции «антагонистического деления мира на богатые и бедные страны», которая может лишь дезориентировать народы развивающихся стран в их борьбе против неокониалистской эксплуатации международными империалистическими монополиями, изолировать от дружеской поддержки и бескорыстной помощи со стороны социалистических государств.

В своих выступлениях представители социалистических стран не отрицали ни реальных проблем, возникших в мире из-за ускорившегося роста населения развивающихся стран в условиях экономической отсталости, ни целесообразности демографической политики, если она проводится применительно к конкретным условиям каждой отдельной страны, на основе глубоких экономических преобразований и в рациональном сочетании с соответствующими практическими действиями в других сферах общественной жизни. Вместе с тем они подчеркивали, что для осуществления задачи предотвращения отрицательных последствий ускоренного роста населения мира необходимо прежде всего скорейшее решение основных социальных и политических проблем современного мира. Среди этих проблем главное место занимает борьба за всеобщее и полное разоружение, за мир и дружеское сотрудничество между народами, за национальную независимость и демократию. С дальнейшим ослаблением международной напряженности и с прекращением военных расходов на мирные цели будут складываться более благоприятные предпосылки для осуществления практических меро-

приятий по урегулированию актуальных демографических и экологических проблем в национальных, региональных и всемирном масштабах.

Неомальтузианцы после конференции

Развитие событий в Бухаресте оказалось ошеломляющей неожиданностью для неомальтузианских инициаторов Всемирного года народонаселения и вызвало растерянность и разногласия в их рядах. Первой реакцией западной буржуазной печати была попытка объявить о якобы полном провале Бухарестской конференции в результате политических происков «злонамеренных сил», опорочить ее итоги, представить принятый План действий как бесполезный документ, не способный помочь в решении проблем мирового населения. По утверждению американского журнала «Ньюсвик» от 2 сентября 1974 г., на Бухарестской конференции некоторые делегаты «с легкостью отметили научные предостережения о том, что планете Земля угрожает кошмарное перенаселение», и тем самым лишили конференцию шанса «погасить все более укорачивающийся фитиль бомбы народонаселения». Газета «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье, опубликованной 26 августа 1974 г., под заголовком «Демагогия в Бухаресте», в частности, провокационно заявляла, будто советская делегация на конференции намеренно преуменьшала значение усилий по ограничению роста населения, называя их «империалистическим обманом», чтобы «использовать для своих собственных политических целей те самые голодающие нации, чье население растет вдвое быстрее, чем в развитых странах мира».

Эта клеветническая кампания довольно быстро угасла, поскольку встретила решительный отпор со стороны мировой общественности, достаточно хорошо знакомой с действительным положением дел в Бухаресте, и прежде всего со стороны общественности развивающихся стран, в большой мере именно благодаря объединенному противодействию которых конференция отклонила неомальтузианские рекомендации. С протестами против ложных оценок результатов конференции выступили в печати многие видные американские уче-

ные¹, и даже глава делегации США, министр здравоохранения, образования и социального обеспечения Каспар Вейнбергер рьяно проповедовавший на конференции идеи «нулевого роста населения» в сложившихся условиях предпочел заявить корреспондентам, что Всемирная конференция по народонаселению «достигла большого успеха в выполнении целей, ради которых она была создана решением Экономического и социального совета... Тот факт, что конференция 135 наций состоялась в полном составе, — сказал он, — явилось великим свершением... Был успешно принят многозначительный Всемирный план действия в области населения»².

Потерпев неудачу в попытках опорочить результаты конференции, неомальтузианские круги увидели в переходе к их громогласному восхвалению тот главный маневр, с помощью которого они вознамерились не только восстановить свои утраченные позиции, но и начать новое идеологическое наступление. Вслед за Вейнбергером о своей высокой оценке Всемирного плана действий поспешили сообщить руководители Международной федерации планирования семьи, Комитета кризиса населения и других влиятельных неомальтузианских организаций. Разумеется, они не собирались менять свои идеологические и политические установки. Расчет делался на то, чтобы воспользоваться для оправдания продолжающейся деятельности по пропаганде политики контроля над рождаемостью ссылками на отдельные недостаточные четкие, иногда компро-

¹ Так, заведующий отделом социальной демографии Международного института изучения воспроизводства человека при Колумбийском университете доктор Мони Наг писал редактору газеты «Нью-Йорк таймс»: «Я присутствовал на Всемирной конференции по народонаселению в Бухаресте и не могу согласиться с вашим редакционным комментарием (26 августа) о том, что русские и китайские делегаты были там, чтобы только проводить «демагогическую политику силы». Это правда, что некоторые из них полемизировали по поводу «десятилетий и столетий эксплуатации» беднейших стран капиталистическим миром. Но подобные взгляды высказывали также делегаты многих развивающихся стран с высокими темпами роста населения. Наиболее значительным результатом конференции является принятие Всемирного плана действия 135 нациями за единственным исключением Ватикана» («New York Times», 12 September 1974).

² American Embassy, Bucharest, Press Release 30 August 1974.

миссные формулировки Плана, и в первую очередь ссылками на выхваченное из контекста положение о том, что «все супружеские пары и отдельные индивиды имеют основное право свободно и ответственно определять число желаемых детей и сроки деторождений, а также получать информацию, знания и средства, необходимые для этого»¹. Между тем осуществление данного положения на практике — о чем старательно умалчивают неомальтузианцы и что выражает главный принцип Плана — возможно лишь при соблюдении содержащегося в том же параграфе указания, согласно которому «политика народонаселения является составным элементом политики социально-экономического развития, а не ее заменой», ибо в конечном итоге конкретные социально-экономические условия определяют господствующее в обществе представление о желаемом количестве детей в семье.

Едва оправившись после шока от поражения в Бухаресте, неомальтузианцы уже всего через пять дней после завершения работы Всемирной конференции ООН по народонаселению вновь проявили большую активность на состоявшейся в Стокгольме специализированной международной конференции «Врач и изменения в населении» (4—6 сентября 1974 г.), в которой участвовало 450 медиков и специалистов по народонаселению из 72 стран, в том числе сотрудники Международной Федерации планирования семьи, Совета по народонаселению, Управления Международного развития США и т. п.; причем, как правило, представители этих организаций председательствовали на секционных заседаниях. И хотя стокгольмская конференция формально имела целью учесть рекомендации Всемирного плана действий применительно к задачам здравоохранения, фактически она игнорировала его главные принципы и сосредоточилась на обсуждении медицинских аспектов программ планирования семьи в традиционном неомальтузианском плане. Как сообщалось в одном из отчетов, председательствующий на церемонии открытия задал тон конференции своим вводящим заявлением о том, что «перенаселение стало самым важным фактором, влияющим на здоровье человечества», а в заклю-

¹ Документ ООН: E/CONF. 60/19, World Population Plan of Action, para. 14 f.

чительном документе, озаглавленном «Стратегия действий», подчеркивалось, в частности, что «основными причинами принятия мер по регулированию рождаемости являются: здоровье, права человека и социально-экономическое развитие»¹.

Неомальтузианцы возобновили свою активную деятельность также в рамках Фонда ООН по народонаселению, рассчитывая использовать эту организацию для саботирования Всемирного плана действий. Об этом весьма недвусмысленно заявили некоторые участники состоявшегося в декабре 1974 г. в Нью-Йорке заседания экспертной группы, созданной Фондом для обсуждения программы намеченных на первое полугодие 1975 г. четырех региональных конференций — Азиатской, Латиноамериканской, Ближневосточной и Африканской — по вопросам практической реализации Плана. Наиболее откровенно на заседании выступил директор отдела народонаселения Управления Международного развития США доктор Равенхолт, который назвал План бесполезным документом, способным якобы лишь дезориентировать общественность, и призвал Фонд не менять характера своей деятельности по поддержке «программ планирования семьи».

Однако все эти идеологические маневры уже не могли сколько-нибудь существенным образом повлиять на развитие событий. Региональные конференции вновь убедительно подтвердили непреходящий характер поражения неомальтузианцев в Бухаресте и продемонстрировали растущее понимание народами развивающегося мира того реального факта, что решение проблем голода, нищеты, безработицы не лежит в демографической области, а требует радикальных социально-экономических преобразований. Выражая мнение общественности «третьего мира», подкрепленное безуспешным многолетним опытом проведения демографической политики на основе неомальтузианских рекомендаций, премьер-министр Индии Индира Ганди говорила еще в преддверии Всемирного года народонаселения: «Никакая программа контроля над рождаемостью не принесет положительных результатов, если она не сопровождается развитием образования и эффективным повышением

жизненного уровня народа. Считать, что все мировые проблемы возникают из-за роста народонаселения, значит чрезмерно упрощать реальное положение вещей...»¹.

Таким образом, вопреки расчетам империалистических кругов неомальтузианство оказалось неспособным скрыть от народов развивающихся стран подлинную социальную природу проблем народонаселения и подсказать им ложный путь к преодолению экономической и культурной отсталости.

¹ «Мир науки», 1973, № 4, с. 6.

¹ «Population Reports», Washington, Series E, № 2, November 1974, p. 19, 22.

В. Гойло

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

До наступления научно-технической революции буржуазные теоретики понимали под категорией «трудовые ресурсы» просто трудоспособное население, а их представления о воспроизводстве трудовых ресурсов ограничивались в основном отождествлением этого процесса с воспроизводством самого населения. Большинство западных экономистов считало, что формирование и развитие трудовых ресурсов общества происходит «естественным путем» за пределами «собственно экономики», что для этого достаточно выбрасывать на рынок определенные вещи и духовные блага и эти процессы совершатся сами собой. Считалось также, что предприниматель непосредственно не участвовал в формировании и совершенствовании трудовых ресурсов, поскольку находил на рынке нужный ему товар — рабочую силу — в изобилии.

Не будет преувеличением сказать, что до недавнего времени буржуазная экономическая наука, включая статистику, детально изучала лишь «чисто предпринимательское производство» — движение и накопление собственно капитала — и почти полностью игнорировала проблему производства и воспроизводства трудовых ресурсов. Этого не отрицают сами представители данной науки. «На протяжении многих десятилетий, — пишет английский экономист М. Фишер (Кембриджский университет), — экономика труда была на положении Золушки среди других областей экономической науки. Экономисты тенденциозно обходили ее стороной...»¹.

¹ Fischer M. The Economic Analysis of Labour. London, 1971, p. IX.

В 60-е и начале 70-х годов теоретические позиции буржуазной политэкономии по рассматриваемому вопросу подверглись значительным изменениям. Ведущие школы экономической мысли Запада выдвинули новые концепции формирования и совершенствования главной производительной силы общества: «неоклассическая» школа — свое учение «о потребительской деятельности», включающее концепцию производства «товарного труда», т. е. наемной рабочей силы¹; неокейнсианская — теорию «инвестиций в человека» и теорию «производства человеческого капитала»². Разберем вкратце основные причины возникновения и развития неокейнсианских концепций воспроизводства и развития трудовых ресурсов, особенно концепцию «инвестиций в человека» или в «человеческий капитал».

Появление новых теоретических представлений на Западе о трудовых ресурсах как о совокупных способностях пролетариата к труду, а также представлений об особой деятельности по их воспроизводству как об относительно самостоятельной сфере общественного производства обусловлено прежде всего спецификой послевоенного развития государственно-монополистического капитализма.

В странах развитого капитализма революция в науке, технике, организации и управлении производством вызывает свойственные ей крупные сдвиги в общественном разделении труда, в структуре хозяйства и воспроизводстве рабочей силы. В технико-экономическом смысле основным следствием и сущностью этой революции выступает качественное преобразование производительных сил общества, и прежде всего их главного элемента.

¹ Критический анализ «неоклассической» доктрины потребительной деятельности см.: Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы. М., 1975, гл. II и III; его же, Буржуазная теория «потребительной деятельности». — «Вопросы экономики», 1973, № 5; его же, Буржуазные неоклассические представления о рабочей силе. — «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 1.

² Под «человеческим капиталом» буржуазные идеологи имеют в виду такие созидательные способности человека, как «образование, знания, полученные на рабочем месте, здоровье и другие» (Becher G. Investment in Human Capital: a Theoretical Analysis. — «Journal of Political Economy», Suppl., December 1962, p. 45).

Отмеченная тенденция в эволюции трудовых ресурсов общества проявляется в том, что *массовая наемная рабочая сила* в названных странах постепенно превращается из *простой в сложную*. К настоящему моменту доля квалифицированных работников, т. е. носителей сложной рабочей силы, в общей численности рабочих и служащих небывало возросла. Так, по официальным подсчетам, основанным на сведениях предпринимателей (которые заинтересованы в формальном занижении степени квалифицированности своего персонала ради сокращения заработной платы, и поэтому многие квалифицированные работники попадают в буржуазной статистике в разряд полуквалифицированных), в США сейчас насчитывается почти втрое больше квалифицированных рабочих, чем неквалифицированных, — в начале 40-х годов нашего столетия число тех и других было примерно одинаковым. В Италии численность первых вдвое превышает число вторых, а в 50-х годах это соотношение было обратным.

Подтверждением рассматриваемой тенденции служит и то обстоятельство, что в большинстве развитых капиталистических стран заметно повысился уровень общего и профессионального образования и подготовки трудящихся. Например, американский пролетариат своей упорной борьбой и не менее упорным трудом к концу 60-х годов, по официальным среднестатистическим данным, добился среднего образования¹. Кроме того, в таких странах, как США, ФРГ, Швеция, Англия, Япония, Голландия, специалисты с полным и неполным высшим образованием составляют сейчас от 10 до 20% всего самодеятельного населения соответствующего возраста, причем в некоторых отраслях экономики, сравнительно широко применяющих новейшие достижения науки и техники, удельный вес специалистов с высшим и специальным средним образованием нередко превышает 30% всех занятых в этих отраслях.

Такие фундаментальные перемены качественных характеристик совокупных трудовых ресурсов не пришли стихийно, а являются продуктом *осознанной и целена-*

¹ Наряду с этим в тех же США и других экономически передовых странах капиталистического мира, не говоря уже о развивающихся государствах, существуют многие десятки миллионов малограмотных и даже абсолютно неграмотных людей.

правленной деятельности как отдельного человека, так и общественных институтов капиталистического общества. Поэтому научный анализ с марксистских позиций современных процессов воспроизводства главного элемента производительных сил имеет первостепенную теоретическую и практическую значимость.

Нет ничего неожиданного в том, что исходные теоретические позиции разбираемых новейших буржуазных концепций направлены против марксистско-ленинского учения о капитале и ухудшении положения пролетариата. Подобно вульгарным экономистам прошлого авторы неокейнсианских концепций трактуют капитал не как исторически определенное общественное отношение, а как просто вещи, в том числе предметные элементы производительных сил. Заменяв старую догму вульгарной политэкономии о «трех факторах производства» — труде, земле и капитале — на постулат о «двух видах капитала» — «человеческом» и «нечеловеческом»¹, большинство приверженцев рассматриваемых теорий утверждает, что «традиционная концепция капитала должна быть расширена с тем, чтобы дать место человеческому капиталу» и что «различные виды капитала теоретически и эмпирически нужно анализировать как единое целое» (Т. Шульц)².

Примечательно, однако, что, споря по основным социальным вопросам с классиками марксизма-ленинизма, авторы названных буржуазных концепций позаимствовали у них немало важных теоретических решений в отношении самого механизма воспроизводства трудовых ресурсов.

Изучению этих проблем классики марксизма-ленинизма придавали важнейшее значение не только потому, что без познания названных процессов и законов невозможно до конца раскрыть суть капиталистического производства и накопления, а также составить сколько-нибудь завершенное представление об общест-

¹ В понятие «нечеловеческий капитал», который именуется буржуазными экономистами также «материальным», «физическим» и «обычным», они включают все средства производства, в том числе землю (недра).

² Education, Income and Human Capital. New York — London, 1970, p. 300; Schultz T. Investment in Human Capital. New York — London, 1971, p. V.

венном воспроизводстве в целом, включая развитие рабочего класса как главной производительной силы, но и потому, что сами эти способности являются «действительным богатством», «главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда», а все вещное и «твердое», в том числе машины и заводы,— мимолетным моментом общественного производства¹.

До и после К. Маркса буржуазные экономисты, как отмечалось, либо отождествляли формирование способностей людей с воспроизводством населения, либо считали обычное индивидуальное потребление трудящимися вещных и духовных благ именно тем процессом, в результате которого происходит такое формирование. В этом смысле толкование К. Марксом индивидуального потребления принципиально отличается от буржуазного. К. Маркс показал, что буржуазная наука подходила к индивидуальному потреблению с позиции отдельного капиталиста. Потребление населением предметов и услуг представлялось капиталисту по большей части как «непроизводительное потребление», в ходе которого стоимости бесследно пропадают. Однако К. Маркс подчеркивал, что с воспроизводственной или общественной точки зрения индивидуальное потребление — это не только завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и — что особенно важно для рабочего класса и всего общества — акт, благодаря которому производитель становится производителем, это «потребительное производство», или, точнее, второй вид производства.

«Потребление, — отмечал К. Маркс, — есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, — это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство... есть второй вид производства, вытекающий из уничтожения продукта

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 306; т. 46, ч. II, с. 217, 222.

первого. В первом производитель овеществляет себя, во втором — персонифицируется произведенная им вещь. Таким образом, это потребительное производство, — хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, — существенно отличается от собственно производства. Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность¹.

Некоторые основополагающие вопросы формирования и развития главной производительной силы общества рассмотрены К. Марксом в «Капитале». Однако в этом произведении анализ общественного производства он подчинил, как известно, основному замыслу первой своей работы из шести задуманных им книг — выявлению природы капиталистической прибавочной стоимости и показу движения и накопления капитала. Поэтому рассмотрение конкретных процессов воспроизводства способностей человека к труду носит там подчиненный характер. И вполне закономерно, что в этой области К. Маркс сознательно пошел на необходимые для данной стадии исследования научные абстракции и упрощения. Так, из всего кругооборота товара — рабочая сила (ее производства, распределения, обмена и потребления) К. Маркс подробно исследовал лишь два последних звена, а именно: процесс обмена рабочей силы (или ее купли-продажи) и ее потребление, т. е. собственно капиталистическое производство².

Он исходил здесь из предположения, что свободный рабочий поставляет капиталисту рабочую силу уже «в готовом виде»³. Научная абстракция применена в отно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 716—717.

² В 60-х годах нашего столетия марксисты стали интенсивно изучать второе звено полного кругооборота рабочей силы — ее распределение. Эта проблема обычно рассматривается совместно со структурой современного рабочего класса — профессионально-квалификационной, отраслевой, социальной и т. д. Упомянем в связи с этим о широком обмене мнениями, который был проведен в 1960—1961 гг. на страницах журнала «Проблемы мира и социализма», на международных форумах в Праге, Берлине, Москве и других городах (см.: Структура рабочего класса капиталистических стран. Прага, 1962; Дж. Будиш. Изменение структуры рабочего класса США. М., 1963; Современный рабочий класс капиталистических стран. М., 1965; Проблемы рабочего движения. М., 1968 и др.).

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 180.

шении самой рабочей силы. Для своего анализа К. Маркс брал простую рабочую силу, затраты на обучение и подготовку которой «совершенно ничтожные»¹.

Вместе с тем К. Маркс неоднократно подчеркивал, что такое упрощение он делает намеренно ради выявления капиталистических производственных отношений «в чистом виде», что совокупная рабочая сила содержит в себе и сложную рабочую силу с качественно высокими свойствами, для создания и воссоздания которых требуются, помимо обычных средств на поддержание жизни, еще и дополнительные затраты труда. «То обстоятельство, — пояснял К. Маркс, — что кроме рабочего времени, овеществленного в жизнедеятельности рабочего, — т. е. того рабочего времени, которое потребовалось для оплаты продуктов, необходимых для сохранения жизнедеятельности рабочего, — в его непосредственном бытии овеществлен еще и дальнейший труд, а именно те стоимости, которые рабочий потребил, чтобы достичь определенной способности к труду, особого мастерства, а стоимость этой способности, этого особого мастерства измеряется тем, с какими издержками производства может быть создано подобное мастерство в труде, — это обстоятельство нас здесь еще не касается, ибо здесь речь идет не об *особо* квалифицированном труде, а о труде вообще, о простом труде»².

Среди современных буржуазных экономистов нет единства взглядов по вопросу о том, что создается и развивается во втором виде общественного производства. «Неоклассики» считают, что в результате потребительной деятельности, наряду с другими потребительными стоимостями, производятся «характеристики труда вообще», в том числе и «товарного труда»³. Авторы теории «производства человеческого капитала» понимают под ним «источник производительных услуг. Это — запас, который производит трудовые услуги в «стандартных единицах»...», — пишет американский экономист Бен-Порэт. В другой своей работе он определяет «человеческий капитал» как «производительные способнос-

ти человека»¹. Странники же концепции «инвестиций в человека» в качестве итогов (outputs) такого инвестирования называют почти все унаследуемые и приобретаемые свойства человека, а не только те из них, которые конституируют его способности к труду. Сюда причисляются даже умения вызывать хорошее настроение у окружающих, налаживать деловые контакты, заводить дружбу и т. д.

Приверженцев концепции «инвестиций в человека» в большей мере интересуют столь отдаленные от способностей к труду характеристики людей как, например, качества, позволяющие последним «уважать и поддерживать» политическую и социальную стабильность, придерживаться определенных «демократических предпочтений» и т. д. Все это, по выражению профессора Массачузетского технологического института Л. Туроу, представляет собой «характеристики чисто общественного товара», которые «имеют ценность для общества, но не обязательно для индивидуума»².

Однако следует отметить, что подобные качества людей являются объектом изучения политической или социальной психологии, а не политической экономии.

Экономисты же изучают те созидательные свойства человека, которые имеют строго экономическую значимость. В последние годы появились специальные науки о способностях человека к труду: инженерная (или индустриальная) антропология, инженерная физиология, инженерная психология, эргономия, которую в США называют «человеческой инженерией» (human engineering), и другие. С помощью этих наук эксперты выделили более ста различных творческих качеств и свойств человека³.

¹ Ben-Porath G. The Production of Human Capital and the Life Cycle of Earnings. — «Journal of Political Economy», August 1967, p. 353, 363; Ben-Porath I. The Production of Human Capital over Time. — «Education, Income and Human Capital», p. 130.

² Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970, p. 104, 107.

³ Конкретные сведения об этом см.: Психология, М., 1966; Инженерная психология за рубежом. М., 1967; Косилов С. А. Физиологические основы НОТ. М., 1969; Братко А. А. Моделирование психики, М., 1971; Бюген Г. Современная биология. М., 1970; Холличер В. Человек в научной картине мира. М., 1971; Бехтерева Н. П., Вундзен П. В. Нейрофизиология психической деятельности человека. Наука и человечество. М., 1974; Tiffin J., McCormick E. Industrial

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 53, 183; т. 46, ч. I, с. 279.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 279.

³ Lancaster K. A New Approach to Consumer Theory. — «Journal of Political Economy», April 1966, p. 145.

Всю совокупность этих качеств и свойств можно с известными допущениями подразделить на следующие базовые группы в зависимости от их конкретного материального содержания, учитывая при этом их функции в созидательной деятельности людей: 1) человеческая живая система со всеми ее подсистемами — скелетной, мышечной и кровотворной, сердечно-сосудистой, периферической и центральной нервной, пищеварительной и другими, иными словами, общие физические и эмоционально-психические потенции и возможности человека, включая состояние его здоровья; 2) общеобразовательные и общекультурные знания и умения; 3) специфические знания и умения, необходимые человеку для формирования и совершенствования собственных живых творческих сил; 4) важнейшие личностные качества, такие, как воля, трудолюбие и др.; 5) общие и специальные профессиональные знания и мастерство; 6) производственный опыт и трудовые навыки; 7) знания и умения, необходимые для использования массовых транспортных и коммуникационных средств; 8) способности воспитывать и обучать других людей, особенно детей; 9) знания и умения для ведения домашнего хозяйства, организации активного здорового отдыха и др.

Перечисленные выше девять групп элементов живых созидательных сил и свойств человека в своей совокупности выступают как трудовые ресурсы или главная производительная сила общества, а различные соединения этих сил и свойств — как та или иная степень квалификации (качества) рабочей силы, а также ее производственной и географической мобильности¹.

Psychology. London, 1966 и др. Эксперты по индустриальной психологии, американские профессора Д. Тиффин и Э. Маккормик подразделили творческие возможности и потенции работника на 47 пунктов. Предложенная ими система определения качества рабочей силы используется при найме персонала, для кадровой политики вообще и в первую очередь, конечно, для организации трудовых процессов (op. cit., p. 72—97).

¹ Вся совокупность созидательных качеств и свойств как отдельного трудящегося, так и рабочего класса в целом, разумеется, намного шире вышеназванных девяти групп. Помимо определенных способностей к труду (включая и способности к саморазвитию и самосовершенствованию), которые в комплексе образуют главную производительную силу общества, пролетарии обладают особыми способностями к борьбе (В. И. Ленин призывал всячески развивать эту революционную энергию масс. — См.: Полн. собр. соч.,

Понятно, что для формирования и развития каждой из девяти перечисленных выше групп творческих качеств населения необходимы специфические элементы и условия их производства, особые трудовые процессы и границы деятельности людей.

Буржуазные экономисты на свой лад трактуют общее строение и сами процессы воспроизводства способностей работника к труду. Теоретики «инвестиций в человека» отождествляют эти процессы с инвестированием в «вещественный капитал». «Концепция человеческого капитала, — пишет Туроу, — облегчает применение нормативных и описательных теорий инвестирования в физический капитал к решениям относительно инвестирования в человека»¹.

Исходя из такой позиции Туроу составил следующую формулу формирования «человеческого капитала»²:

$$HC = (K \cdot HC^* \cdot R, EA),$$

где HC — «человеческий капитал», K — «физический капитал», HC* — вложения «человеческого капитала», R — природные ресурсы, EA — «экономическая способность» различных индивидов к развитию. В роли «товара» и «базового капитального актива» в производство «человеческого капитала» А. Туроу и его сторонники С. Боулз, Ф. Харбисон и другие включают также «человеческое время»³.

т. 2, с. 91; т. 4, с. 267, 364; т. 16, с. 23 и др.), а также специфическими качествами и свойствами, необходимыми им для семейной жизни. Обеспечивая детопроизводство, воспитание и обучение подрастающих пролетарских поколений, эти последние качества и свойства имеют важное значение не только для самого физического существования рабочего класса, но и для его социального единства и прогресса, поскольку делают возможным его пополнение за счет выходящих из самого пролетариата.

Естественно, что между этими тремя категориями творческих способностей пролетариев существуют диалектическая взаимосвязь и взаимодополнение.

¹ *Thurow L. Op. cit., p. 45.*

² Эта формула создания «человеческого капитала» выведена на базе известной «производственной функции» Кобба-Дугласа.

³ *Thurow L. Op. cit., p. 86—88; Bowles S. Towards an Educational Production Function. — «Education, Income and Human Capital», p. 13; Harbison F. The Strategy of Human Resources Development in Modernizing Economics. — «Education and the Economics of Human Capital». New York — London, 1971, p. 223.*

Отметим как рациональный момент вышеприведенной модели — учет природных ресурсов и «экономические способности» индивидов к развитию. Факт участия таковых в производстве созидательных сил человека бесспорен. В качестве самостоятельного элемента в это производство входят и определенные предметы, именуемые буржуазными авторами «физическим капиталом».

Однако само существо процесса производства человеческих творческих сил сторонники разбираемой теории понимают как «обычное инвестирование», тождественное «вложению в производство вещей». Общие и профессиональные знания, мастерство и навыки — «все это составляет человеческий капитал, — пишет Л. Туроу, — все это должно быть приобретено или увеличено посредством инвестиций в человека»¹. «Инвестиции в человеческий капитал подобны инвестициям в физический капитал в нескольких важных отношениях»², — утверждает У. Боуэн. «Коренное различие между способами инвестирования в материальный и человеческий капиталы уже списано (written off)»³, — объявляет профессор Колумбийского университета Г. Беккер.

Буржуазные экономисты принимают здесь внешнюю видимость явления за его суть. Постороннему наблюдателю может показаться, что для формирования и развития способностей человека к труду достаточно одних инвестиций, и такие способности появляются сами собой. Но на самом деле процессы создания и воссоздания человеческих творческих сил значительно сложнее и глубже. Их содержанием выступает не просто вложение средств, а действительная трудовая деятельность, прежде всего самого носителя формируемых способностей, а также его семьи и общества в целом. Эти процессы образуют хотя и специфическое, но подлинное производство.

Выдвижение буржуазными экономистами категории «человеческого времени» как «товара» и «базового капитального актива» и включение его в производство способностей человека к труду не решает поставленной

научной проблемы и не спасает их позиции от половинчатости. Дело в том, что взятое абстрактно время как таковое, подобно пространству и силе тяжести, хотя и представляет собой определенную форму существования материи в философском смысле, не может быть «активом капитала» и тем более товаром в экономическом смысле. В области экономики время — это одно из основных мерил (секунды, минуты, часы и т. д.) деятельности людей, в частности, их труда. Временные единицы измерения, так же как и пространственные (метры, футы и т. д.) и весовые (килограммы, фунты и т. д.), не могут самостоятельно выступать в качестве товаров или капитальных активов, поскольку это — условные и относительные, а не реальные величины. Действительными, или реальными, они становятся только тогда, когда наполняются каким-либо абсолютным материальным содержанием. Например, минута труда летчика или слесаря, метр стального проката, килограмм хлеба.

Следовательно, в производстве способностей человека время тоже предстает как мерило труда: час самостоятельной работы над книгой или иным учебным пособием; два часа тренировки движений рук и определенных эмоционально психических подсистем организма с целью освоить управление тем или иным механизмом, три часа ухода за детьми и т. д. Поскольку само абстрактное время без конкретного содержания ничего реального в экономическом отношении не несет в себе, поэтому один и тот же отрезок времени может иметь различное физическое и экономическое значение в зависимости от его материального содержания. К примеру, один час наблюдения школьника за игрой в хоккей по телевидению, один час работы того же школьника над учебником и один час работы инженера или ученого.

В марксистской политической экономии общепризнано, что общественные отношения во всех сферах хозяйства определяются собственностью на элементы производства и его продукты, конкретнее: кому принадлежат средства производства, тот командует как самим производством, включая его организацию и определение целей, так и распределением его продукции.

Созидательные качества и свойства пролетариев — это сущностные силы их организма. Более того, основа производства таких качеств и свойств — живой труд са-

¹ *Thurow L.* Op. cit., p. 10, 45.

² *Bowen W.* Investments in Human Capital and Economic Growth. — «Perspectives on Economic Growth». New York, 1968, p. 165.

³ *Becher G.* Human Capital. New York, 1964, p. 13.

мих носителей создаваемых способностей — всегда осуществляется этими пролетариями. Поэтому, казалось бы, на законном основании результаты такого производства фактически и формально-юридически должны стать их собственностью. Но в наше время это далеко не так.

Несколько десятилетий назад фактическое участие предпринимателей и буржуазного государства в создании и воссоздании творческих способностей трудящихся было весьма незначительным в сравнении с «вложениями» в это производство со стороны пролетарских семей и самих носителей рабочей силы. Поэтому вполне обоснованно считалось, что капиталист находил рабочую силу «в готовом виде». Полагалось также, что на капиталистическом рынке в своей массе появлялись свободные рабочие — свободные в том смысле, что они имели большую или меньшую возможность наняться туда, куда хотели, и на подходящий для них срок, а также выторговывать при этом другие приемлемые для себя условия продажи рабочей силы.

При современном капитализме вмешательство монополий и буржуазного государства в воспроизводство высококачественных способностей работника приняло такие большие масштабы и столь глубокий характер, что внесло и в эту сферу экономики существенные изменения в общественных отношениях. Уже в 60-х годах в США, например, более 90% крупных фирм с числом занятых 2500 человек и более «сами занимались» профессиональной подготовкой и переподготовкой своих кадров¹. Под полным контролем монополистического капитала и буржуазного государства находится, например, вся общеобразовательная система, особенно среднее специальное и высшее образование. Так, по официальным подсчетам в США на их долю приходится не менее 80% финансирования высшего и специализированного образования. Это дает им формальное право и реальные возможности навязывать пролетариату, к примеру, в системе общеобразовательной и профессиональной подготовки определенную программу образования и обучения, а также диктовать (обычно путем заранее заключенного договора об обучении или осо-

рых условий потребительского кредита на образование и т. п.) место последующей работы, ее сроки, размеры заработков, отказ от забастовок и другие невыгодные для рабочих и служащих условия подготовки и использования их рабочей силы.

Ни о каком действительно свободном работнике, который прошел, скажем, профессиональную подготовку или переподготовку с участием монополистического капитала, говорить уже нельзя по меньшей мере в течение какого-то периода, особенно если дело касается приобретенных таким путем специальных знаний и умений. Как это признает американский идеолог Дональд Парсонс, «предпринимаемые компаниями или самими рабочими (разумеется, с «помощью» капитала.— В. Г.) крупные инвестиции в специфический, с точки зрения фирм, человеческий капитал ведут, по-видимому, к сокращению мобильности труда», т. е. работников¹.

Многие западные экономисты верно подметили здесь некоторые новые тенденции. Они отражают их в своих формулах производства человеческих способностей к труду. Однако теоретики «инвестиций в человека» объявляют монополии и их государство «подлинными создателями человеческого капитала». Л. Туроу пишет по этому поводу: «Человеческий капитал создается фирмами, ибо они часто выступают в качестве самых эффективных производителей этого капитала. Иногда работодатель имеет монополию на учебные возможности. Только он владеет оборудованием или другими условиями, при которых может быть дана соответствующая подготовка. Большая часть рабочих мест на производственной линии подпадает под эту категорию... Каковы бы ни были причины, частные фирмы и государственные организации являются важными источниками человеческого капитала»².

И здесь буржуазные идеологи не могут или не хотят отличить видимость процесса от его сути. Внешне кажется, что современный капитал и буржуазное государство вкладывают в производство рабочей силы какие-то «свои средства». Но ведь эти средства по своему происхождению есть не что иное, как часть прибыли

¹ Training of Workers in American Industry. Washington, 1964, p. 5—6.

¹ Parsons D. Specific Human Capital. — «Journal of Political Economy», November. — December, 1972, p. 1121.

² Thurow L. Op. cit., p. 90—91.

или других видов прибавочной стоимости, либо отчужденная у трудящихся посредством налогов часть необходимого продукта. Если же учесть, что новые знания и умения приобретаются с помощью вещных и неведущих условий, которые могут быть куплены не только за счет прибыли капиталиста или ассигнований государства, но и самими рабочими и служащими, и главным образом в результате определенных затрат живого труда обучающихся и членов их семей, то приходим к вполне обоснованному выводу о том, что творческие способности пролетариата формируются и совершенствуются целиком за счет труда пролетарских масс.

Этот вывод основан на марксистской теории трудовой стоимости и теории прибавочной стоимости, и, конечно, он не устраивает капиталиста. Последний пытается доказать свое «капитальное» участие в производстве рабочей силы посредством «особых инвестиций в человека». Предпринимателям и их идеологическим компаньонам это нужно для того, чтобы, получая известную долю «дохода на человеческий капитал», как это признает Г. Беккер, теоретически замаскировать эту форму эксплуатации рабочего класса.

Не приходится удивляться, что буржуазные идеологи искажают или маскируют фактическое господство государственно-монополистических отношений в воспроизводстве качественных характеристик совокупного работника. Авторы неокейнсианской концепции «производство человеческого капитала» объявили это производство «независимой» сферой экономики на том основании, что эта сфера имеет «собственные вложения» (inputs) и «собственный выпуск» (output)¹.

В данном случае буржуазные экономисты пытаются выдать относительную технологическую или технико-экономическую самостоятельность процесса воспроизводства совокупных способностей населения к труду за социально-экономическую или политэкономическую. Но может ли идти речь о социально-экономической независимости этих процессов, если монополии не только господствуют в основных отраслях хозяйства, командуют распределением их продукции, но и непосредственно сами или с помощью государства диктуют направлен-

ность и функционирование процессов воспроизводства упомянутых способностей. Доказательством этому служат огромные суммы прямых капиталовложений крупных фирм и буржуазного государства во второй вид общественного производства, а также тот факт, что главным результатом (продуктом) этой деятельности является не всестороннее интеллектуальное и физическое развитие всех работников и членов их семей, а необходимая в данный момент монополиям рабочая сила. Последняя должна отвечать сегодняшним требованиям предпринимателей и не больше. Причем капиталистические фирмы произвольно оценивают качественные характеристики нанимаемых работников. Так, владельцы компаний, входящих в Национальную ассоциацию металлопромышленников США, оценивают свой персонал по следующей схеме (за 100% принимается совокупность шести показателей): 1) качество работы — 25%; 2) выработка — 20%; 3) профессиональные знания — 20%; 4) приспособляемость к новым условиям — 15%; 5) надежность — 10%; 6) отношение к работе — 10%.

Как видим, в этой схеме совсем нет требований общеобразовательного, общекультурного и общенаучного характера. Капиталистов знания такого рода непосредственно не интересуют.

Господство монополистического капитала отрицательно сказывается на развитии главной производительной силы общества еще и тем, что в хозяйстве западных стран образовалось и действует своего рода «антиэкономика». Она включает выпуск и потребление продукции, губительной для прогресса производительных сил в первую очередь для физического и нервно-психического здоровья населения. Это — производство и потребление недоброкачественных продуктов питания, непроверенных лекарств и других вредных товаров, таких, как ненатуральные алкогольные напитки, наркотики, табак, порнография, дикие зрелища, сенсации и т. п. К этому следует добавить известные продукты и отходы, разрушающие и отравляющие окружающую человека среду, — воздух, воду, почву, растительный и животный мир и т. д.

Так, по сведениям американских экспертов, только из-за загрязнения воздуха каждый житель в крупных городах США несет ущерб, связанный с порчей своего

¹ Ben-Porath, op. cit., p. 135.

имущества (одежды, металлоизделий, приборов, транспортных средств), в среднем не менее 200 долларов в год. Потери же здоровья американцев от отравления окружающей среды, если даже считать одни только их затраты на лечение, намного превышают их имущественный урон.

В «антиэкономике» входит также производство вооружений, военного снаряжения и подобной продукции, отнимающее у пролетариата и всего общества огромные жизненные ресурсы.

Таким образом, государственно-монополистическая социальная форма общественного воспроизводства препятствует развитию главной производительной силы общества. Только своей организованностью и повседневной борьбой пролетарские массы добиваются некоторого повышения жизненного уровня, известного улучшения условий для общеобразовательной и профессиональной подготовки и других положительных изменений. Но все эти завоевания непрочны и непостоянны. Очередной экономический кризис или антирабочая политика монополий и буржуазного государства, как это неоднократно бывало в 60-х годах и начале 70-х годов, могут свести завоевания трудящихся к нулю.

Неспособность современного капитализма обеспечить расширенное воспроизводство всесторонне развитой главной производительной силы общества, требующейся для полного осуществления научно-технической революции, выступает как одно из кардинальных проявлений его общего кризиса.

Н. Иванова

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ «МАРКСИСТСКО-МАЛЬТУЗИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕДНОСТИ И РАЗВИТИЯ» Г. ДЕЙЛИ

С появлением марксизма, отрицающего капитализм как самую совершенную формацию, не прекращаются попытки уничтожить, подвергнуть сомнению, трансформировать его основные положения.

В современных условиях эти устремления путем огульного отрицания основных положений марксизма становятся все более затруднительными, поэтому буржуазные теоретики вынуждены искать приемы, в которых основная их цель была бы тщательно замаскирована.

Такое положение характерно для всех сфер общественных наук. Не составляют исключения и теории народонаселения, в которых основная борьба ведется между марксистскими и мальтузианскими взглядами на население.

Подтверждением этому может служить идеологическая борьба в ходе дискуссии на Всемирной конференции ООН по народонаселению, проходившей в августе 1974 г. в Бухаресте. Дискуссии показали растущее влияние идей марксизма на истолкование процессов, происходящих в народонаселении. Вместе с тем некоторые западные участники форума ученых при конференции стремились представить сущность марксистской концепции народонаселения лишь как идеологическую полемику с мальтузианством и что сформулированный К. Марксом закон относительного перенаселения не

есть органическая часть его учения¹. Эти «критики» К. Маркса отмечали также, что современные данные подтверждают существование абстрактного закона перенаселения, т. е. несоответствия между численностью населения и наличием средств существования, понимаемых не только как пища, одежда, жилище, но и как природные, минеральные и сырьевые ресурсы².

Анализ структуры и логики первого тома «Капитала», где К. Марксом был сформулирован закон относительного перенаселения при капитализме, показывает, что рассмотрение этого закона в двадцать третьей главе вытекает из всего предшествующего исследования и является необходимой ступенью к последующему. Экономический закон народонаселения есть важнейший составной элемент научной теории марксизма.

В буржуазной критике марксистских воззрений на народонаселение все более отчетливо проступает стремление навязать читателю ложное представление об «односторонности» марксизма в рассмотрении того или иного вопроса, дополнить это рассмотрение своей концепцией. Неискушенному читателю не сразу становится ясным, что за утверждением односторонности скрывается негативное отношение к марксистским взглядам.

Примером такого подхода является «марксистско-мальтузианская концепция бедности и развития»³, выдвинутая Германом Дейли, — научным сотрудником Университета в Батон Руж, штат Луизиана. В данном случае автор, чтобы получить «всесторонний подход», дополняет К. Маркса не своей, а мальтусовою теорией народонаселения.

Г. Дейли каждой из двух теорий: К. Маркса и Т. Мальтуса, «воздаёт» должное. Он пишет: «Имена Маркса и Мальтуса часто приводятся в противопоставлении и никогда в соединении друг с другом. Несмотря на это, тезис, аргументируемый в данной статье, заключается в том, что две исторически господствующие теории

бедности, марксистская и мальтузианская, являются не противоречащими, а дополняющими одна другую»¹.

Г. Дейли полагает, что с помощью «нового методологического подхода», а именно при соединении взглядов К. Маркса и Т. Мальтуса, станет возможным более полное определение категорий «бедность», «развитие», «перенаселение», а следовательно, будет вскрыта их сущность и определены новые пути преодоления трудностей, связанных с этими явлениями.

Отметим сразу, что принцип эклектизма не нов ни в буржуазной политэкономии, ни в буржуазной демографии. «Новое» здесь заключается только в том, что Г. Дейли смешивает взгляды двух ученых, стоящих на совершенно противоположных классовых позициях. Он считает, что теории К. Маркса и Т. Мальтуса могут иметь расхождения только на идеологическом уровне, а как «подлинно научные теории» они дополняют одна другую².

Однако здесь автор «марксистско-мальтузианской концепции бедности и развития», видимо, забывает, что неотъемлемой чертой общественных теорий является их классовый характер, партийная направленность. Поэтому расхождения на идеологическом уровне между теориями К. Маркса и Т. Мальтуса означают прежде всего непримиримость их методологических позиций. Кроме того, теории Т. Мальтуса принадлежат к вулгарной политической экономии, в которой «беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»³. Поэтому научная ограниченность неомальтузианских теорий не вызывает сомнений.

Соединение теорий К. Маркса и Т. Мальтуса как «подлинно научных» принципиально невозможно, поскольку марксистская теория видит только один источник социальных бедствий буржуазного общества — это само общество, его производственные отношения; мальтузианская же видит этот источник единственно в биологических особенностях человеческого вида как такового.

¹ International Youth Population Conference Background Documentation. Bucharest, 10—15 August, 1974, p. 18.

² Population Progress Report. OECD. Paris, 1974, p. 28.

³ Herman E. Daly. A Marxian-Malthusian View of Poverty and Development. New Haven, 1974.

¹ Herman E. Daly. A Marxian-Malthusian View of Poverty and Development. — «Population Studies». London, 1971, vol. 25, № 1, p. 25.

² «Population Studies», 1971, vol. 25, № 1, p. 26.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17.

И все-таки Г. Дейли пытается соединить в своей концепции марксизм и мальтузианство, понимая под первым только часть его политической экономии — теорию накопления капитала. Однако рассматривать теорию прибавочной стоимости и основанную на ней теорию накопления в отрыве от диалектического и исторического материализма недопустимо. Именно на них основаны теоретические построения К. Маркса, органическая взаимосвязь всех элементов. Г. Дейли же сознательно не принимает марксистскую философию во внимание. Это дает возможность механически выделить часть теории К. Маркса, воспользоваться бездоказательно его выводами и соединить их с теорией Т. Мальтуса. Такой подход достаточно четко прослеживается у Г. Дейли в основных моментах его концепции.

«Последовательность», в которой Г. Дейли излагает свои взгляды, такова: иллюстрация взаимной дополняемости теорий К. Маркса и Т. Мальтуса на примере понятия «пролетариат» и «категории бедности» таким образом, чтобы показать якобы идентичность этих понятий в марксистском и мальтузианском освещении, наконец, определение собственных новых категорий «развитие» и «перенаселение» на основе обобщения марксистской и мальтузианской концепций.

Приступая к рассмотрению понятия «пролетариат», Г. Дейли отмечает, что в теории Т. Мальтуса оно близко к литературному латинскому значению этого слова: «пролетариат» — это те люди, у которых много потомков. Напротив, у К. Маркса потеряно литературное значение этого слова, «пролетариат» у него определяется как класс, не имеющий в собственности средств производства и вынужденный продавать свою рабочую силу, чтобы иметь средства к существованию. Г. Дейли подчеркивает, что с таким пониманием «пролетариата» у К. Маркса связано и его понимание бедности как неизбежного результата функционирования самого капиталистического способа производства, действия всеобщего закона капиталистического накопления, закона относительного перенаселения, а не как результата чрезмерного увеличения численного состава рабочего класса. Г. Дейли считает, что определение пролетариата, данное К. Марксом, хорошо дополняет литературное значение этого слова, оба, соединенные воедино, дают наиболее полную характеристику пролетариата.

Отметим, что смешение, соединение в одно целое обоих определений недопустимо. К. Маркс определяет пролетариат с точки зрения его социально-экономической роли в капиталистическом производстве, от которой в конечном счете зависят характеристики пролетариата как группы населения, в частности «плодовитость» данного класса. Такое понимание соотношения социально-экономических и чисто демографических характеристик населения особенно важно для науки о народонаселении. Определение же Т. Мальтуса основано на совершенно ином подходе. Главным признаком, по которому он группу людей относит к пролетариату, является уровень рождаемости. Другими словами, определение дается с точки зрения выполнения пролетариатом определенных биологических функций. Понятие класса — это прежде всего социально-экономическое понятие, поэтому в качестве существенных признаков здесь должны выступать социально-экономические характеристики, а не биологические¹. Однако Г. Дейли рассматривает пролетариат как социально-биологическую категорию. В дальнейшем он возвращается к понятию класса, давая свою типологию, в основу которой он кладет тот же признак, что и при определении пролетариата.

В качестве следующей иллюстрации взаимной дополняемости теорий К. Маркса и Т. Мальтуса Г. Дейли дает свою формулу, выражающую дифференцированный средний доход на душу населения. Это есть отношение совокупного дохода класса (Д) к его совокупной численности (Н) — $D : N$. Малое значение этой величины у пролетариата свидетельствует о бедности этого класса. Г. Дейли пишет, что при первом же рассмотрении отношения $D : N$ обнаруживается следующее: Т. Мальтус объяснял низкий уровень дохода на душу пролетариата огромным увеличением знаменателя — численности класса. В противоположность этому марксизм якобы объясняет тот же факт изменениями числителя, поскольку общая величина доходов пролетариата относительно невелика, растет очень медленно, а в некоторых случаях даже снижается. Если при-

¹ Отметим, что рождаемость как характеристика населения не является чисто биологической. Она зависит от ряда социально-экономических факторов. Но мальтузианство рассматривает рождаемость только с биологических позиций.

нять во внимание независимость показателей Д и Н в определенных пределах, то два эти объяснения, как утверждает Г. Дейли, дополняют друг друга.

По Дейли с позиций формального подхода к исследованию социально-экономических явлений приведенное рассуждение можно рассматривать как пример, якобы подтверждающий тезис о взаимной дополняемости теорий К. Маркса и Т. Мальтуса. Однако изучение социальных явлений с подлинно научных позиций требует не фиксации изменения той или иной величины какого-либо показателя чисто условной формулы, а раскрытия причин, приведших к этому изменению. В этом как раз К. Маркс и Т. Мальтус коренным образом расходятся, и это главное, что делает их теории непримиримыми, противостоящими друг другу. В мальтузианской теории причины, приводящие к возникновению бедности, связаны с быстрым ростом населения и носят чисто биологический характер. У К. Маркса бедность — явление социально-экономическое. Накопление бедности в условиях капитализма есть противоположный полюс накопления богатства. Причины бедности пролетариата таятся в конечном счете во владении капиталистами средствами производства и закономерностях капиталистического накопления.

Следующим этапом в изложении концепции Г. Дейли является «объяснение» механизма, действие которого приводит к такому результату, как бедность. Таким механизмом является эксплуатация. Эта категория у Г. Дейли также «модифицирована и расширена». Подход к рассмотрению аналогичен прежнему.

Марксистская теория рассматривает эксплуатацию как механизм отношений между классом капиталистов и пролетариатом. Ее сущность состоит в том, что капиталисты присваивают себе стоимость, создаваемую трудом рабочих в прибавочное время. Последнее составляет разность между всей величиной рабочего дня и временем, необходимым для производства эквивалента стоимости средств существования рабочих. Г. Дейли же сводит сущность эксплуатации к удлинению рабочего дня. Он пишет: «Итак, что является решающим для эксплуатации — это длина рабочего дня и значение величины средств существования»¹.

¹ «Population Studies». London, 1971, vol. 25, № 1, p. 28.

В понимании продолжительности рабочего дня для Г. Дейли «нет ничего сложного». Эта величина складывается из необходимого и прибавочного рабочего времени и зависит не только от уровня развития производства, но и от способности рабочего класса отстаивать свои интересы перед капиталистами. Что же касается средств к существованию, или, иначе, стоимости рабочей силы, то здесь, по его мнению, «возникают некоторые трудности». Суть их в том, что величина стоимости рабочей силы помимо обеспечения физиологической деятельности рабочего, его функциональной деятельности (например, работы в определенной сфере производства), должна включать в себя и расходы на содержание и воспитание его детей. Верхняя граница стоимости рабочей силы должна быть такой, чтобы у рабочего не создавалось возможности накапливать.

И вот здесь, в определении стоимости рабочей силы, Г. Дейли как раз и «находит» якобы точку соприкосновения К. Маркса и Т. Мальтуса при объяснении эксплуатации. Включая в стоимость рабочей силы стоимость средств, необходимых для воспитания детей, К. Маркс, в отличие от Д. Рикардо, не отмечает, что рабоче население должно воспроизводиться в тех же размерах. Если бы К. Маркс, по выражению Дейли, открыто признал ограничение воспроизводства рабочего населения, то он «впустил бы Мальтуса в открытую дверь». К. Маркс не ограничивает воспроизводство рабочих, тем самым он «впускает Мальтуса с черного хода»¹. Рабочий класс, воспроизводясь в увеличивающихся масштабах, тем самым увеличивает богатство капиталистов.

По мнению Г. Дейли, в понятие «эксплуатация» должны быть внесены изменения. По его рассуждениям у эксплуатации существуют два центра: первый — это фабрика, второй — дом самого рабочего. В первом случае эксплуатация заключается в том, что рабочий в течение своей жизни производит больше, чем получает. Разницу, по Дейли, себе присваивает капиталист. В случае же мальтузианского понимания эксплуатации она заключается в том, что рабочий воспроизводит детей больше, чем необходимо для его простого замещения.

¹ «Population Studies». London, 1971, vol. 25, № 1, p. 29.

Тем самым он создает для капиталистов возможность присвоения все большего богатства, так как дети рабочего являются потенциальными производителями.

И здесь Г. Дейли еще раз подчеркивает свой тезис, что теории К. Маркса и Т. Мальтуса непримиримы на уровне идеологии, поскольку мальтузианские положения отвергают пролетарскую солидарность и революционный путь избавления от бедности. Из мальтузианской теории следует, что каждый рабочий может избавиться от бедности, избавившись от лишних детей, поэтому классовое объединение в борьбе с бедностью ни к чему. Эта проблема решается каждым индивидуально. Однако логических противоречий, пишет автор, в объяснении бедности и эксплуатации между марксизмом и мальтузианством не существует.

Новая категория эксплуатации Дейли демонстрирует еще раз применение основного методологического принципа эклектизма. Кроме того, объясняя эту категорию, Г. Дейли пытается приписать Т. Мальтусу те положения, которые не свойственны его теории. Т. Мальтус не признавал того, что чистый прирост совокупности рабочих есть прирост реального богатства капиталистов, так как стоял на позициях теории факторов производства, а потому источником богатства капиталистов видел их капитал. По Т. Мальтусу, не расширение эксплуатации и рост богатства капиталистов ведут к бедности пролетариат. Причина бедности широких трудящихся масс есть ничто иное, как присущая населению тенденция перерастать наличие средств существования¹.

Заключительный этап в раскрытии концепции Г. Дейли сводится к тому, что автор вводит свои новые категории, которые как он считает, помогут определить причины бедности и развития. Г. Дейли вводит новую типологию классов в обществе. Под классом он понимает совокупность людей, имеющих одинаковое отношение к частной собственности и контролю над рождаемостью.

Почему именно эти два критерия кладутся Г. Дейли в основу деления общества на классы? Объясняя это,

¹ См.: Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения, т. 1, Спб, 1898, с. 96.

автор «марксистско-мальтузианской концепции бедности и развития» ссылается на К. Маркса, который отмечал, что первым условием человеческой истории является существование человеческих индивидов. Это существование в свою очередь, есть результат двух жизнеобразующих процессов: процесса производства, т. е. поддержания жизнедеятельности уже живущих индивидов, и воспроизводства, т. е. замещения, возобновления человеческих индивидов. Отсюда Дейли делает вывод, что отношение к частной собственности является характеристикой производства, а отношение к контролю над рождаемостью — характеристикой второго процесса — воспроизводства поколений.

По своему отношению к частной собственности все капиталистическое общество, считает Дейли, делится на лиц, владеющих ею и потому получающих доход в виде прибыли — D_c , и невладеющих ею и потому получающих доход в основном в виде заработной платы — D_z . По отношению к контролю над рождаемостью население якобы также делится на две группы: H_k — население, контролирующее свой репродуктивный процесс, и H_{nk} — население, неконтролирующее его. Различные сочетания первых двух признаков с двумя другими дают, по мнению Дейли, четыре вида дохода на душу населения, каждый из которых соответствует определенному классу:

- I. $\frac{D_c}{H_k}$ — высший класс, устойчивая буржуазия.
- II. $\frac{D_c}{H_{nk}}$ — средний класс, неустойчивая, переходная буржуазия.
- III. $\frac{D_z}{H_k}$ — средний неустойчивый класс, «неомальтузианские трудящиеся».
- IV. $\frac{D_z}{H_{nk}}$ — низший класс, «классический мальтузианский пролетариат», устойчивый класс.

Развитие общества по Дейли мыслится как постепенное изменение среднедушевого дохода, выведенных им четырех основных классовых групп населения. В такой позиции кроется общая несостоятельность выводов автора.

Дейли стремится насильственно привязать к классовой характеристике отдельных групп населения ин-

дивидуальное отношение каждой семьи к ограничению рождаемости. Иными словами, он навязывает идеологию контроля над рождаемостью основным социальным группам общества.

Искусственное и надуманное дополнение марксистского учения о народонаселении новым определением класса есть не просто эклектическое смешение роли биологических и социальных факторов воспроизводства населения. Его следует рассматривать как попытку подменить марксистскую концепцию воспроизводства общественных отношений концепцией воспроизводства населения и абстрактного развития, которое якобы способно примирить классовые интересы на основе равномерного распространения средств контроля над рождаемостью.

Дейли не случайно стремится оставить неизменным отношение классов к средствам производства. Он абсолютизирует размеры дохода на душу населения, оставляя в тени источник формирования доходов основных социальных слоев общества. Это противоречие в концепции Дейли доказывает, что на деле он не развивает марксизм, а модернизирует мальтузианство, ибо на основе регулирования рождаемости фактически стремится трансформировать соотношение основных групп социальных групп населения.

Желая «дополнить марксизм», автор обратился к самому вульгарному буржуазному апологетизму, формулируя свою главную задачу как познание фундаментальной причины деления общества на бедных и богатых, являющееся якобы следствием не имущественного неравенства и классовых отношений способа производства, а «различного контроля» над двумя однозначными «фундаментальными жизненными процессами»¹: производством материальных благ и воспроизводства населения.

Таким образом, стремление Г. Дейли «сблизить» марксистские и мальтузианские взгляды на народонаселение привело к тому, что автор сам скатился на позиции модернизированного мальтузианства, превратившись в сторонника «демографического детерминизма», т. е. концепции, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения якобы углубляет социальное неравенство и является препятствием для общественного развития.

¹ «Population Studies», 1971, vol. 25, № 1, p. 37.

Е. Михайлов

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ УРБАНИЗАЦИИ В США

Развитие научно-технической революции, стимулировавшее рост производительных сил в США и в мире, за последние десятилетия сопровождалось ускорением темпов урбанизации. Последняя означала не только рост числа и укрупнение городов, но и «качественные изменения», усложнение их функций, сделавшие города еще более важными факторами общественного развития.

В эксплуататорской сущности буржуазного общества заложен источник наиболее острых противоречий процесса капиталистической урбанизации, особенно резко проявляющихся в США, где капитализм меньше всего стеснен общественным вмешательством.

«Современный город, — писал академик А. М. Румянцев, — это не изолированный социальный феномен, а важнейшая форма существования современного общества, в определенном смысле модель этого общества, отражающая и кристаллизующая основные закономерности его развития»¹.

Американский город отражает и кристаллизует основные закономерности развития американского общества и нарастающие в нем противоречия. При этом город выступает не как пассивная арена или фон, на котором сталкиваются внешние по отношению к нему и независимые от него силы. По выражению К. Маркса, город «это своего рода самостоятельный организм»,

¹ Румянцев А. М. Урбанизация и общество. — В кн.: Урбанизация и рабочий класс в условиях НТР. М., 1970, с. 17.

урбанизационный процесс выступает как сила, не только фиксирующая в городе и обостряющая все противоречия общественной жизни в странах капитала, но и порождающая свои собственные, являющиеся важнейшей стороной общего кризиса капитализма.

Противоречия урбанизации в США приобрели такой размах и так осложнили всю жизнь американского общества, что сегодня в Америке трудно назвать сколько-нибудь существенную социальную проблему, которая не была бы связана с развитием урбанизации, с проблемами города.

Не будучи в состоянии скрыть эти противоречия городской жизни, буржуазные политики и идеологи пытаются или отвлечь внимание от них, культивируя интерес к другим, менее социально-насыщенным проблемам (проблемы населения, среды и пр.), якобы «объединяющим общество, а не раздражающим его на части», или исказить их подлинную природу. Многие теоретики-урбанисты выдвигают теории, имеющие откровенно апологетический характер. Последние призваны доказать, что все трудности современной урбанизации — это будто бы неизбежные трудности роста, характерные для всех развитых стран, независимо от их общественного строя. Эти трудности якобы будут устранены на базе научно-технической революции всего лишь в процессе дальнейшего совершенствования буржуазных институтов¹ (Бенфилд, Уилсон). Поэтому активные действия по преодолению их, в том числе со стороны государства, бесполезны и могут лишь нанести вред.

Широко распространены и пессимистические концепции, перекликающиеся с мелкобуржуазными взглядами Прудона, раскритикованными основоположниками марксизма. Авторы этих взглядов (Мамфорд и другие) усматривают в современной урбанизации и крупном городе — продукте этого процесса — главное зло, против которого надо вести решительную борьбу². Эти теоретики за решительные действия, но действия, пытающиеся помешать объективному ходу истории и поэтому утопические по самой своей сути. Они делают односторонние выводы о вредности крупных городов, об их нерента-

¹ E. Banfield. The Unheavenly City. The Nature and the Future of our Urban Crisis. Boston, 1970.

² Mamford L. The Urban Prospect. New York, 1968.

бельности. Пессимистический взгляд на роль больших городов, несомненно, — это реакция на неспособность буржуазного общества решить их проблемы. Такая неспособность ведет к оправданию бегства от проблем и в первую очередь бегства из самих городов, к прославлению (в качестве оправдания такого бегства) якобы исконно присущей американцу привязанности к малым поселениям, к замкнутым социально-однородным общинам.

Критика большого города, но уже с современных, модных позиций прозвучала в концепции «постгородского общества» М. Веббера¹, который утверждает, что масштабы городов даже самых больших в условиях научно-технического прогресса становятся слишком узкими для нового урбанизированного общества, что по мере роста и специализации знаний, а также развития и удешевления средств связи расширение пространственных горизонтов профессиональных контактов и общения делают город в современном его понимании анахронизмом и лишь «прибежищем социально и культурно отсталых элементов общества». Для взглядов Веббера и других новомодных теоретиков урбанизма характерно полное отсутствие интереса к людям как к личностям и интерес к ним лишь как к «функциональным единицам». Они недоучитывают значение человеческих контактов как централизирующей и урбанизирующей силы. Поэтому логическим следствием недооценки таких контактов в эпоху НТР становится отрицание роли города как такового.

Современная эпоха, напротив, требует развития социальных и личных контактов, поскольку это необходимо не только для воспроизводства индустриального и научно-технического потенциала, но и для развития самой личности. Узкопрофессиональная и узкокастовая замкнутость социального общения, которую предвещает М. Веббер, послужила бы лишь обеднению личности и в конечном счете — общественному регрессу.

В этом смысле важно отметить, что город становится особенно важным в эпоху научно-технического прогресса и интеллектуализации труда, когда развитию творческого потенциала человека должна способствовать не только роль города как аккумулятора информации и не

¹ Webber M. The Post-City Age. «Daedalus», Fall, 1968, p. 1092—94.

только благоприятные условия городской среды для усиления всех форм социального общения (в том числе профессионального и личного), но и как места, где сконцентрированы огромные богатства веками накопленной культуры. Условием творческого успеха ныне все больше становится соединение специальных профессиональных знаний с широтой общей эрудиции.

Следовательно, историческая миссия городов, особенно больших, отнюдь не исчерпана, напротив, она должна быть расширена и дополнена новым содержанием. Все говорит за то, что города вовсе не изжили себя как форма пространственной и социальной организации жизнедеятельности. Изжили себя лишь те формы капиталистических общественных отношений, которые создают непреодолимые препятствия для максимально эффективного использования возможностей города.

Любопытно, что попытки отвлечь внимание широкой общественности от подлинных причин городского кризиса в США все чаще наталкиваются на отрезвляющую реальность жизненных фактов. Все чаще поиски причин кризиса приводят исследователей к признанию узости рамок общественных отношений при капитализме, мешающих решению тех или иных конкретных проблем.

Все чаще встречается, например, критика факта господства частной собственности на землю в городах, которое не позволяет научно подойти к проблеме городского планирования, жилищного строительства и т. д. Процесс дальнейшей урбанизации и роста городов с еще большей силой и настойчивостью будирует эти проблемы. Вот некоторые признания американских видных специалистов, непосредственно сталкивающихся с городскими противоречиями, в основе которых явно лежат пороки общественного строя.

«Мы должны отнять у частных собственников земли те права, которые они используют для изменения нашей жизненной среды без нашего согласия», — так писал известный урбанист-практик Э. Лог в 1970 г.¹

Не менее решительно в том же духе высказался Антони Даунс, видный американский экономист, специалист в области недвижимого имущества. «Современный хаос в городском землепользовании оправдывается священ-

ным правом на индивидуальную свободу делать деньги, спекулируя землей... Именно эти свободы и должны быть отняты, если мы хотим добиться всеобъемлющей координации в нашем планировании и управлении городским ростом»¹.

И хотя узкий профессионализм этих авторов не позволяет им подняться до более широких обобщений, их критика — это растущее ощущение того, что капитализм с его производственными и общественными отношениями становится в изменяющихся условиях мира все более ощутимым препятствием на пути прогресса.

Итак, самое главное, в чем проявила себя социальная система применительно к процессу урбанизации в США, это в стихийности, неуправляемости самой урбанизации, т. е. в отсутствии какой-либо действенной регулирующей деятельности в интересах общества в целом. Урбанизация в США как в ее ранний период (в период индустриализации), так и в настоящее время (в условиях научно-технической революции) целиком подчинена тем производственным, имущественным отношениям в обществе, в основе которых лежит господство частной собственности на орудия и средства производства, а также на землю и недвижимость, находящиеся в индивидуальном владении.

Это главное противоречие приводит к тому, что все развитие города, включая изменение его структуры, размещение его производственной базы, расселение жителей, в первую очередь подчинено интересам имущих классов, буржуазии. Из этого основополагающего факта проистекает подавляющее большинство всех противоречий городской жизни, мешающих использованию больших потенциальных возможностей городской концентрации и городского образа жизни и создающих сложные и неразрешимые социальные проблемы.

Рост конкуренции и мощные выступления рабочего класса заставляют капитал все больше активизироваться и наряду с прочим увеличивать свою территориальную мобильность в погоне за прибылью.

Соответствующие изменения в размещении городского производства за последнее время в США привели к совершенно новому типу его пространственной орга-

¹ Logue E. J. The Pomeroy Lecture. American Society of Planning Officials. April 6, 1970, p. 12.

¹ Downs A. Urbanization Policies Recommended by the National Commission on Urban Problems. — «Planning», 1969, p. 20—32.

низации и к новым формам и новой географии расселения в городах, изменившими привычное представление о структуре городов и городском образе жизни в целом.

На смену переуплотненному городу индустриальной эпохи пришла агломерация городов, или, по американской терминологии, урбанизированный (или метрополитенский) ареал, охватывающий обширные, растянувшиеся на десятки и сотни километров вокруг центров территории, внутренне взаимосвязанные производственными трудовыми и социально-культурными связями и контактами. Как показали данные последней промышленной переписи США, за период с 1948 по 1967 г. 85% всего прироста занятости в крупнейших городских агломерациях США имело место в их пригородном кольце и только 15% — в городах в пределах их официальных границ. Доля занятости за указанный период в последних снизилась с 70,6 до 54,6%, доля занятых в пригородах возросла соответственно с 29,4 до 45,4%¹. По данным газеты «Нью-Йорк Таймс» за десятилетие 1960—1970 гг. в пригородах 15 крупнейших городских агломераций США возникло 3,1 млн. новых рабочих мест, в то время как центральные города этих агломераций за тот же период потеряли 836 тыс. рабочих мест².

Значительно перебазировалась в пригороды и оптовая и розничная торговля и даже профессиональные и личные услуги, где позиции центральных городов все еще остаются сильными.

Параллельно с изменениями в размещении производительных сил, а иногда и предшествуя им, в течение последних десятилетий в американских городах почти непрерывно шел процесс миграции населения также в пользу преимущественного заселения и роста численности жителей пригородных зон крупных городов. В целом в расселении США наблюдалось единство двух процессов: процесса концентрации населения в городах (собственно урбанизация) и процесса децентрации внутри городских агломераций (субурбанизация).

Годы	Доля прироста населения в США, приходящаяся на городские агломерации, %	Доля прироста населения городских агломераций, приходящаяся на	
		центральные города, %	пригородные зоны, %
1900—1910	—	72,1	27,9
1910—1920	—	71,6	28,4
1920—1930	83,2	59,3	40,7
1930—1940	65,9	40,8	59,2
1940—1950	86,1	40,7	59,3
1950—1960	84,4	23,8	76,2
1960—1970	83,9	16,0	84,0

Источник. Hearings before the Subcommittee on Economic Development, November 1, December 10—13, 1973, Washington 1973, p. 26—29.

В настоящее время в городских агломерациях США проживает около 150 млн. американцев, или почти 70% населения страны. В центральных городах ныне концентрируется всего лишь 45,8% их населения, остальные 54,2% — жители пригородных зон.

Субурбанизация сопровождалась изменением структуры населения в центрах и на периферии городов. Обращает на себя внимание, например, высокая концентрация в первых (т. е. в центрах) негритянского населения и представителей других национально-расовых меньшинств. В 1970 г. из 22,6 млн. небелых американцев почти 16,2 млн. (81,3%) проживало в городских агломерациях. Эта доля существенно выше, чем доля всего населения, проживающего на этой территории в стране.

Наблюдается и другая закономерность — чем больше по размеру город, тем выше там концентрация небелого населения. Она особенно высока в городах Севера. Все небелое население за пределами Юга (на 95%) — жители городских агломераций. Внутри них они на 95% концентрируются в центральных городах.

В противоположность центральным городам пригородное население почти исключительно белое (96,4%). Тот небольшой процент небелых, которые живут за пре-

¹ U. S. Bureau of the Census. Census of Manufacturing, 1967.

² «New York Times», October 15, 1972.

делами центров, населяют в основном старые городки-спутники, некогда отстоявшие на каком-то расстоянии от центрального города, но потом поглощенные волной агломерационного развития; они повторяют все признаки развития центральных городов или старых ближайших к городу пригородов. Вновь осваиваемые и быстро развивающиеся пригороды на 100% заселены белым населением. В 1960—1970 гг. 75% всего роста городского черного населения приходилось на центральные города, 100% роста городского белого населения — на пригороды.

Этим расовым различиям в расселении американского городского населения сопутствовали и различия в уровне дохода и концентрации бедности.

Как свидетельствуют цифры, самый широкий разрыв в уровне медианного семейного дохода внутри городских агломераций наблюдается между небелым населением центральных городов и белым населением пригородов. Этот разрыв составляет на среднюю семью из 4 человек 5,135 долл. в пользу белого населения (из расчета годового дохода). Значительный разрыв в уровне семейного дохода небелого населения существует между центральными городами (3304 долл.) и пригородами (3539 долл.) и даже небелым населением этих двух главных составных частей городских агломераций в пользу пригородов (1616 долл.)¹. В 1970 г. среди небелых населяющих пригороды, лишь 15,9% семей получали доход ниже 5000 долл. в год, в то время как в центрах его имели 38,3% таких семей.

Бедность как явление, определяемое соответствующими критериями, в том числе и уровнем дохода, также распределяется неравномерно в городах США².

Данные о небелых³ свидетельствуют также о крайней имобильности этой категории населения. По подсчетам Л. Брауна, бывшего директора Бюро цензов США, 85,5% всех семей этой группы населения с дохо-

¹ The Commission on Population Growth and the American Future. Research Report, vol. 5, p. 468—469.

² Current Population Reports. Series P—60, № 68. Poverty in the United States. 1959—1968. Washington, August 12, 1969.

³ Негры составляют 90% небелого населения США, включающего также американских индейцев (1,6 млн.), китайцев, японцев, филиппинцев, эскимосов. Испано-американцы, в том числе пуэрториканцы, квалифицируются как белые.

Таблица 2

	Доля населения с доходом ниже официальной границы бедности, %
Городские агломерации в целом	10
Центральные города	13
в них:	
белое население	10
небелое население	26
Пригороды	7
в них:	
белое население	6
небелое население	28

дами ниже 4 000 долл. (т. е. официальной границы бедности) продолжают проживать в центральных городах, не делая попытки перебраться в другие районы, в сравнении с 46,4% белых семей с теми же доходами. С доходами от 4 000 до 10 000 долл. процент небелых семей, проживающих в центральных городах, также высок. Он составляет 82,5% в сравнении с 41,6% для белых. По материалам специального обследования даже для негров с доходами свыше 10 000 долл. в год процент жителей центров составляет 76,8%, для белых — всего 30,9%¹. Эти данные говорят о том, что материальный уровень — не главная причина жилищной сегрегации в США и не единственный признак социально-статусных различий между населением городских районов, хотя и весьма существенный.

Эту картину дополняют данные о профессиональном составе занятых старше 20 лет, приведенные ниже для США в целом и для городских центров в крупнейших агломерациях страны (на 1970 г.).

Данные говорят об огромном преобладании в среде трудящихся городских центров занятий, требующих низкой квалификации труда. В то же время непропорционально мал удельный вес людей, занятых сложным высококвалифицированным трудом. Это характерно как для мужского, так и женского населения. Возрастно-по-

¹ Current Population Reports. Series P—60, № 80. Income in 1970 of Families and Persons in the United States. Washington, 1971, p. 30—31.

Таблица 3

Территории	Профессиональные группы (по роду занятий)			
	«белые воротнички»*		«синие воротнички»*	занятые в сфере услуг
	всего	специалисты и управляющие		
США (оба пола, данные на 1972 г.)	47,8	23,8	35,0	13,4
Мужчины				
Атланта	18,2	6,0	68,0	13,7
Чикаго	14,4	4,8	74,0	11,6
Дейтройт	14,5	5,7	73,8	11,7
Хьюстон	15,0	6,9	72,1	12,3
Лос-Анжелес	17,8	10,4	71,4	10,3
Нью-Йорк	27,6	9,5	50,3	21,9
Женщины				
Атланта	25,6	7,6	18,4	56,0
Чикаго	30,3	6,0	45,4	24,2
Дейтройт	35,4	6,6	18,4	46,2
Хьюстон	25,0	7,6	15,3	58,8
Лос-Анжелес	34,1	10,9	41,4	24,5
Нью-Йорк	36,5	8,3	29,2	34,3

ловые различия в занятиях распространяются лишь на относительно малоквалифицированный труд.

Среднее число классов, законченных всеми занятыми жителями бедных городских районов в 1968—1969 гг., на 2,4 года отставало от соответствующего показателя для всех занятых в стране¹. Этот весьма существенный разрыв в образовании в действительности еще больше, если учитывать качество образования.

Можно было бы привести и другие данные, свидетельствующие о резких социальных различиях в положении отдельных групп городского населения США. Более того, данные, взятые в динамике, говорят об обострении этих различий.

Таким образом, всемирно-исторический процесс урбанизации, прогрессивный по своей сути, но развивающийся на соответствующей социальной почве, привел к явлению, которое невозможно переоценить с точки зрения его фундаментального воздействия на углубление общего кризиса капитализма. Это явление — процесс со-

циально-территориальной поляризации американского городского общества, процесс, который правительственная комиссия в США (комиссия Кернера), изучавшая социальное развитие в американских городах вслед за общенациональной вспышкой бунтов в них, охарактеризовала как опасное «движение к двум обществам, черному и белому — раздельным и неравным»¹. Заостренность цитируемого доклада на негритянском вопросе не должна, однако, оставлять впечатление, что поляризация городского населения происходит лишь на расовой почве. Это, по существу, процесс дальнейшего классового отчуждения, лежащего в основе дополнительного обострения социальных противоречий всего спектра общественной жизни США.

Социально-территориальная поляризация городского общества в США, будучи причиной и выражением растущей отчужденности различных социальных групп, сама в значительной мере продукт такой отчужденности.

Как бы не менялись абсолютные уровни доходов трудящихся Америки под давлением массового забастовочного движения или любых государственных мер, направленных на их перераспределение, весьма стабильным остается их относительное распределение между различными социальными группами. Вот уже на протяжении по меньшей мере двух десятилетий 20% населения США, принадлежащего к нижней социальной группе, довольствуются всего лишь 3—4% всех доходов в стране, в то время как 20% из высшего сословия получают около 46% доходов². Поэтому нет ничего неожиданного в том, что характер и структура расселения США, как и всего капиталистического мира выступает как отражение, как своеобразная «проекция на карту» всей сути общества, разделенного на классы.

Весьма важным фактором для понимания социального механизма расселения горожан в США, в частности, являются качество и размещение наличного жилого фонда, а также преимущественное размещение нового жилищного строительства.

Общеизвестно, что в США и других капиталистических странах жилье — это товар, предмет купли-прода-

¹ Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. New York, 1968, p. 1.

² William A. Caldwell. How to Save Urban America. New York, 1973, p. 145.

¹ Handbook of Labour Statistics, op. cit., p. 110.

жи на частном рынке, где господствуют капиталистические законы спроса и предложения. Имушие слои городского общества пользуются на рынке жилья несравнимо большим выбором, с уменьшением же дохода выбор сужается.

Определенные категории населения — как низко оплачиваемые, так и принадлежащие к сегрегированным расовым группам — лишены выбора вообще. Их удел — городские районы со старым ветшающим жильем или трущобы негритянских гетто и «зон бедности». Благополучные кварталы городов и пригороды, где ведется новое жилищное строительство, напрочно закрыты для них мощным экономическим барьером дороговизны новых жилищ. Эта дороговизна нарочито поддерживается местными правящими кругами неоправданно высокими требованиями к качеству построек, к площади земельных участков под строительство и т. п. мерами.

Чем дальше заходит процесс социальной поляризации городской Америки, тем больше появляется факторов ее дальнейшего углубления.

В частности, миграция американцев в пригороды сопровождалась и сопровождается весьма важными переменами в их отношении к собственности. Из преимущественно нанимателей жилья они превращались в собственников и не только строений, но и земельного участка¹. Поощрение собственности на дома в США (в частности, путем предоставления налоговых льгот) за последние годы возведено в государственную политику, смысл и цели которой не столько «более бережное отношение к собственности», сколько втягивание населения (включая и рабочий класс) в орбиту частнособственнических отношений, притупление и разращение его классового сознания. Предоставьте рабочим «собственные дома, прикрепите их снова к земле, — писал в свое время Ф. Энгельс, — и вы сломите силу их сопротивления против понижения заработной платы фабрикантами»².

¹ По данным Статистического ежегодника США более 70% всех домов в пригородах (которые к тому же почти на 70% односемейные дома) — собственность их владельцев в сравнении примерно с 48% (преимущественно квартир) в центрах. *Statistical Abstract of the United States, 1973, p. 691, table 1169.*

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 234.

Одно из важных психологических и социальных последствий расширения собственности на недвижимость — это остро пробудившийся у нового жителя пригородов частнособственнический инстинкт, заставивший его смотреть на свое жилище не только как на средство удовлетворения определенных жизненных функций, но и как на объект капиталовложений, — дом в результате игры цен на капиталистическом рынке может принести прибыль. И если соседство небелого населения, отражая всю бездну расовых предрассудков, укоренившихся в обществе в США, угрожало и фактически приводило к серьезному обесценению недвижимости лендлордов в старых центрах, то в пригородах такое соседство — угроза для каждого белого собственника жилья. Отсюда их бешеное сопротивление всяким попыткам социального смешения.

Таким образом, жилищная сегрегация, широко распространившаяся в городских агломерациях США, — своего рода «синтетический» результат частнособственнических и расовых отношений.

Своеобразной реакцией «свободного» общества на угрозу социального смешения и обесценения недвижимости было явление в послевоенной внутрисполитической жизни страны, которое помогло загнать «городскую болезнь» еще дальше вглубь. Социально-территориальная поляризация еще более углубилась, когда она институцировалась в политической структуре местной власти, выразившейся в политико-административной автономии пригородов и фрагментации самоуправления.

В погоне за социальной самоизоляцией от низших слоев городского населения пригородная буржуазия добилась от штатов права на так называемое территориальное инкорпорирование (самоуправление) и полную независимость от города-метрополии. За сравнительно непродолжительный период в границах городских агломераций, но за пределами центральных городов возникли сотни и тысячи административно самостоятельных поселений со своими границами и местными муниципалитетами, формально и фактически располагавшими прерогативами власти на уровне всех прочих городов, включая и центральные.

Карта административно-территориального деления любого пригородного района дает наглядное представление о политической структуре пригородов. Перед нами

открывается пестрая мозаика административно обособленных территорий городского и сельского типа. В пределах одной агломерации Чикаго таких территорий 1113, вокруг Филадельфии — 876; Питтсбурга — 704, Нью-Йорка — 551 и т. п.

Административная обособленность нужна была пригородной буржуазии не сама по себе. Она помогла принятию таких местных норм административного регулирования (зонирование, правила землепользования, строительные нормативы и т. п.), которые давали возможность сохранить общине сложившийся социальный статус и эффективно противодействовать вторжению «иногородных» элементов.

Отрицательные последствия рассмотренных выше социальных процессов, приведших к городскому кризису, самые разнообразные. Ограничимся лишь кратким перечислением некоторых из них.

Главной жертвой современной стихийной урбанизации в США оказалась подавляющая часть жителей центральных городов крупных агломераций. По мере ухода белого состоятельного населения в пригороды центры все больше превращаются в «резервуары бедности», городские черные гетто. Городские гетто — одна из самых сложных и трудноразрешимых проблем как американского города, так и всего общества в целом.

Возникшее острое противоречие разобщенности труда и жительства в рамках городских агломераций вызвало последствия, иррациональные даже с позиций капиталистической экономики. Если сравнить структуру размещения производства и труда на территориях крупных городских агломераций США по их отраслевой и профессиональной специализации, то окажется, что значительная часть занятых, работающих в старых городских центрах (в силу концентрации там труда соответствующего профиля и качества), проживают в пригородах, а тех, кто работает в пригородах, вынуждены жить в центре; образующиеся ножницы вызывают огромный поток ежедневной (маятниковой) миграции между городом и пригородами¹. Такое положение приводит к неоправдан-

¹ Gold N. N. The Mismatch of Jobs and Low-Income People in Metropolitan Areas and its Implications for the Central City Poor. The Commission on Population Growth and the American Future. Washington, vol. 5, 1972, p. 441—485.

ному перенапряжению всей транспортной системы в городах (включая и автомобильный транспорт), к дополнительным издержкам для экономики, состояния среды, здоровья и т. п.

Разобщенность труда и жительства наряду с другими факторами стала причиной постоянной повышенной безработицы в американских городах, безработицы, не связанной с экономическими циклами.

В начале 1975 г., когда безработица в разгар очередного экономического спада в стране охватила 8,2% населения, безработица в городских агломерациях повысилась до 10—12%, а в центральных городах она была в 2 раза выше, среди же негритянского населения в них она достигла 40% и более.

При этом важную роль сыграл транспортный фактор. Распространение автомобиля за ряд десятилетий подточило конкурентоспособность общественного транспорта, который потерял былую (при компактном расселении) маневренность, вздорожал и стал сильно лимитировать мобильность многих американцев.

Недоступность автомобиля для менее обеспеченных слоев населения и отсутствие недорогого и эффективно общественного транспорта для сообщения с отдаленными пригородами создало еще один структурный источник безработицы. Вот почему статистика безработицы неизменно регистрирует ее повышенный уровень именно в городах. Она не рассасывается там даже при благоприятной экономической конъюнктуре.

Многие районы центральных городов страдают ныне от крайней отсталости своей экономики, представляющей разительный контраст в сравнении с развивающейся экономической зажиточных районов, в том числе в пригородах. Главные черты ее — отсталость, депрессивность и постоянная нужда в денежных инъекциях извне для поддержания хотя бы низкого жизненного уровня обитателей.

Перевод на периферию городских агломераций крупных предприятий, производящих массовую продукцию и обычно нанимающих рабочих средней и низкой квалификации для выполнения стандартных операций на потоке, лишил работы многих жителей старых городских центров. Рост занятости в деловых районах центра — в офисах и других предприятиях непродуцированной сферы — не является для жителей этих районов адекватной

заменой, поскольку подобная работа требует весьма высокой квалификации, а также «белой кожи», и большинство негров к такой работе по-прежнему не допускаются.

Территориальная разобщенность места жительства белых и небелых лежит в основе различий качества школьного образования и так называемой проблемы «басинга»¹, принявшей за последнее время острополитический характер. Низкая эффективность образования в городских, исключительно «черных» (по составу учеников), школах усугубляет неравенство и отдаляет перспективы его преодоления.

Невидимый барьер социальной и административной разобщенности, опустившись на городскую Америку, прочно забаррикадировал старый центральный город новыми неподвластными ему поселениями, лишив его перспектив роста и естественного развития, усугубляя проблемы скученности, организации городских коммунальных услуг, борьбы против загрязнения окружающей среды и т. п.

Самой сложной градостроительной проблемой в США в настоящее время является, по существу, полное отсутствие эффективного планирования городов как научно обоснованного общественного вмешательства в необузданную стихию частных и частногрупповых интересов. И если существующее планирование (не выходящее за пределы лишь общих рекомендаций) в рамках муниципальных границ при наличии органов местного самоуправления поставлено плохо, то планирование в пределах обширных территорий целых агломераций, которые не имеют общеагломерационного управления, не существует вообще. В условиях растущего населения отсутствие общеагломерационного управления становится острой национальной проблемой, вот уже на протяжении двух десятилетий не находящей своего разрешения из-за административной анархии в пригородах. Отсутствие планирования ведет к разбазариванию и мало эффективному использованию городских земель, стимулирует спекуляцию землей, приводит к гипертрофированному территориальному росту городов и т. д.

¹ От слова «автобус». «Басинг» — это переброска школьников из одних районов в другие с целью достижения более уравновешенного расового состава школ.

Современные функции города требуют регионально-планирования. Невозможно решать проблемы транспорта, экономического развития или проблемы среды отдельно для центрального рода и для каждого карликового поселения в пригородах. Сама природа этих функций требует единого комплексного подхода к их решению в рамках достаточно обширных и экономически целесообразных территорий.

Одно из серьезнейших последствий социальной поляризации и административной раздробленности в пределах экономических единых агломераций — это финансовый кризис центральных городов, дополнительно осложнившийся и без того бедственное их положение.

Сдвиг многих предприятий и обеспеченного населения в пригороды, повлекший перебазирование туда значительной части имущества (движимого и недвижимого), привел к резкому сужению налоговой базы местных бюджетов¹ при одновременном росте общественных расходов в центральных городах, в том числе по причине концентрации в них бедности. Это не замедлило сказаться на качестве городского коммунального обслуживания, школьного образования, социального обеспечения и прочих городских функций. «Ни Олбани, ни Вашингтон, — писал бывший мэр Нью-Йорка Джон Линдсей, — не могут дальше оставлять без внимания признаки надвигающейся финансовой катастрофы городской Америки, включая Нью-Йорк. Опасность для расового мира, производственной способности нации, культуры, науки и существования самой американской системы слишком велика»².

Все сказанное отнюдь не означает, что пригородам удалось избежать всех трудностей, хотя их проблемы не сравнимы по сложности и остроте с проблемами городских центров.

Децентрализация управления в них и независимость мелких территориальных единиц, в сущности, противоречат экономическим и социальным требованиям жизни крупных и экономически единых городских агломераций.

¹ Налог с имущества — главный местный налог в США. За счет его формируется более 50% бюджетных средств органов местного самоуправления.

² Governing the City. Eds. R. H. Connery and D. Caraley. New York, 1969, p. 16.

ций, характеризующихся в эпоху научно-технической революции все возрастающей взаимозависимостью. И это противоречие уже с первых дней существования пригородных зон дало о себе знать. Не случайно параллельно общетерриториальной фрагментации управления в пригородах начался обратный процесс объединения ряда независимых территорий для более эффективного выполнения отдельных городских функций, которое немислимо в рамках карликовых поселений. Так, на базе сотрудничества ряда поселений в пригородах было дополнительно создано более 5 тыс. независимых школьных округов (всего их в стране 25 тыс.), ведающих школьным образованием, более 7 тыс. специальных округов (всего в стране 18 тыс.), обеспечивающих сразу несколько поселений каким-либо видом обслуживания (водоснабжение, очистка, транспортные услуги и т. п.)¹.

Однако создание таких округов привело к еще большей фрагментации и путанице. Границы различных функциональных округов, как правило, не совпадают. Каждая территориальная единица фактически обслуживается несколькими не зависящими друг от друга администрациями общетерриториального и функционального типа, претендующими на свою долю поступлений от налога с имущества в качестве финансовой основы своей деятельности.

Однако подлинная сложность всей проблемы фрагментации заключается не столько в том, что несовпадение границ приводит к множественности управляющих данной территорией властей, к нарушению координации действий различных функциональных округов, и даже не в том, что всякое мелкое дробление мешает внедрению мощной и прогрессивной коммунальной техники и не дает выгод от масштаба организации коммунальных услуг, сколько в том, что каждая отдельная и юридически независимая административно-территориальная единица может и фактически действует односторонне, не считаясь с интересами своих соседей и всего общества в целом, а подчас и во вред их интересам. Причем такая возможность — даже не следствие фрагментации, а ее подлинная цель. Она служит в самих пригородах юридическому, законодательному закреплению классо-

вой и социальной исключительности одних поселений среди других. Такова логика капитализма, получившая в условиях нынешней стихийной урбанизации свое крайнее и уродливое развитие.

Итак, в основе всех проблем современного американского города лежит система капитализма. Она довела до опасного накала общественные отношения в городах США и в стране. Приведя к глубокому размежеванию частных и общественных интересов в них, она не только противопоставила себя общественной природе города и усложнила проблемы оптимизации физических и организационных условий его существования и развития, она подточила и его потенциальные возможности благоприятной питательной среды для развития наиболее прогрессивных форм общественного производства и воспроизводства полноценной личности.

Без устранения или нейтрализации главных пороков системы решение всего многообразного и сложного комплекса проблем городской жизни США не представляется возможным.

¹ *Bollens J., Schmandt H. The Metropolis, Its People, Politics and Economic Life. New York, 1970, p. 102.*

Л. Щербакова

**КНИГИ ПО ДЕМОГРАФИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «СТАТИСТИКА»
в 1976 г.**

С каждым годом все больше книг по демографии выпускает издательство «Статистика». Но не только их количеством должна оцениваться работа. Чем же характерен план выпуска издательства работ по демографии в 1976 г.?

Прежде всего следует отметить, что предполагается издать значительное количество теоретических работ, что свидетельствует в известной мере о зрелости самой науки, во-вторых, книги выпуска 1976 г. указывают на расширение тематики издаваемых работ, и, наконец, выйдет немало серийных изданий, рассчитанных на различный круг читателей, — здесь издания, адресованные специалистам (серии «Демографические исследования», «Демографическое наследие»), а также массовому читателю (серии «Статистика для всех», «Народонаселение»).

Из теоретических работ прежде всего следует назвать коллективную монографию «Система знаний о народонаселении», подготовленную Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. В этом фундаментальном труде изложены общетеоретические и методологические основы изучения народонаселения. В книге проблемы народонаселения рассматриваются как объект комплексного изучения представителями различных специальностей — экономистами, демографами, статистиками, философами, социологами, географами и др. В работе обосновываются предметы теоретической, экономической и исторической де-

мографии, а отдельные разделы работы посвящены прикладным демографическим наукам. Монография будет интересна всем исследователям, независимо от подхода к научному содержанию и трактовки науки демографии.

Воспроизводство населения — одна из основных тем демографии. Ей посвящено несколько книг. А. Г. Вишневский в работе «Демографическая революция» в динамике рассматривает демографическое развитие общества и исследует изменения в процессе воспроизводства населения на материалах отечественной и мировой статистики. В монографии поставлен вопрос о соотношении эволюционного и революционного этапов демографического развития. Автор показывает развитие воспроизводства населения, поэтому главное в работе — раскрытие сущности демографической революции как перехода от примитивного типа воспроизводства населения к современному. В работе подчеркивается, что каждый тип воспроизводства населения определяется особенностями социально-экономического развития общества.

В какой-то степени к этой теме примыкает работа С. И. Пирожкова «Демографические процессы и возрастная структура населения», в которой подробно рассматривается механизм формирования возрастных структур. В монографии показано, как и под влиянием каких факторов формируется возрастная структура, и исследуются теоретические модели населения. В книге, в частности, раскрывается сущность процесса «постарения» населения в экономически развитых странах, обоснована закономерность этого процесса. Особая ценность данной работы состоит в том, что ни в мировой, ни в отечественной литературе вопрос формирования возрастных структур почти не разработан, поэтому можно считать, что работа в известной мере восполнит этот пробел.

В. В. Бодрова в своей работе «Народонаселение европейских социалистических стран», опираясь на обширный статистический материал, раскрывает особенности процессов рождаемости, смертности и продолжительности жизни в европейских социалистических странах. В книге много иллюстративного материала и поэтому она в определенной степени носит справочный характер.

О воспроизводстве населения Республики Куба рассказывается в работе А. С. Первушина «Население Республики Куба». В советской демографической литературе пока еще недостаточно освоено страноведческое направление, пока еще мало работ, в которых были бы отражены демографические процессы в зарубежных странах. Данная брошюра явится первым отечественным изданием, характеризующим демографические процессы в этой стране. Автор раскрывает особенности демографических процессов на Кубе на основе материалов переписей и данных государственной статистики. Эта книга представит интерес для демографов, ее прочтут специалисты, многие практические работники и ученые смежных отраслей знания.

По проблемам рождаемости в советской литературе уже имеется немало статей, брошюр, книг, написанных главным образом на материалах конкретных исследований, а также методической литературы. Однако теоретических, обобщающих монографий по этой тематике еще не было, поэтому отраднo, что в 1976 г. выйдут две работы теоретического характера: монография В. А. Борисова «Перспективы рождаемости» и сборник статей, подготовленный сотрудниками Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР «Рождаемость (Проблемы изучения)».

Первая из названных работ представляет собой попытку теоретически осмыслить и обобщить накопленный богатый отечественный и зарубежный опыт в области изучения рождаемости. В монографии подробно изложено влияние биологических факторов на рождаемость, анализируется комплекс вопросов, связанных с продолжительностью репродуктивного периода женщины, влияние на него акселерации, показан современный уровень рождаемости в СССР, а также влияние различных факторов на уровень рождаемости. Ценным в работе является то, что дается критический анализ методики проведения многих обследований у нас в стране и за рубежом.

Во второй из названных работ по рождаемости обосновывается закономерность снижения уровня рождаемости под влиянием различных социально-экономических факторов. Показано изменение положения женщины в обществе, становление системы социальных ценностей и в связи с этим изменение характера и функции семьи, уровня рождаемости. Достоинством работы яв-

ляется и то, что авторы по-новому оценивают те или иные проблемы, связанные с рождаемостью, выдвигают новые гипотезы, подвергая при этом критическому анализу старый подход в изучении рождаемости.

Слово «урбанизация» все чаще мелькает не только в специальных работах, но и на страницах популярных изданий, газет и журналов. В отечественной литературе уже имеется относительно большое количество работ, освещающих ту или иную сторону многоаспектного и сложного процесса, каким является урбанизация, однако обобщающих работ по этой проблематике почти не было. По сути дела работа Ю. Л. Пивоварова «Современная урбанизация (Основные тенденции расселения)» является первым опытом такого обобщающего издания.

В монографии раскрыта сущность процесса урбанизации, его обусловленность развитием общественного производства и характером социальных отношений, показано влияние урбанизации на характер расселения. Свои положения автор иллюстрирует богатым статистическим материалом по СССР и зарубежным странам, подчеркивая, что урбанизация влияет почти на все сферы общественной жизни. Наиболее подробно рассмотрено влияние урбанизации на формы расселения. Одно из главных достоинств книги состоит в том, что в ней показывается принципиальное различие процесса урбанизации в странах с различным общественным строем.

Изучению народонаселения РСФСР — одного из крупнейших регионов страны, посвящена монография «Территориальные особенности народонаселения РСФСР» под редакцией Л. Л. Рыбаковского. В книге раскрыт целый ряд демографических процессов, свойственных населению Российской Федерации: воспроизводство населения, особенности миграции, изменения в половозрастной структуре и т. д.

Важному перспективному в экономическом отношении району посвятили книгу Е. Д. Малинин и А. К. Ушаков «Население Сибири». В значительной степени эта книга написана по материалам конкретных исследований, проведенных Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Специфика изучения Сибири, трудонедостаточность этой большой территории, важность ее освоения — все это делает работу актуальной.

О размещении населения по территории нашей страны рассказано в монографии Б. С. Хорева и В. М. Мойсеенко «Сдвиги в размещении населения СССР». В ней авторы рассматривают ряд закономерностей в динамике численности городского населения, показывают влияние урбанизации на расселение, а также городского образа жизни на демографические процессы. Значительный интерес представят конкретные рекомендации в области политики урбанизации в рамках единой системы расселения. Авторы во многом по-новому сумели подойти к освещению тех или иных вопросов.

С каждым годом возрастает роль науки, научных кадров в социалистическом обществе в период научно-технической революции. Современной структуре научных кадров, ее изменению посвящена работа И. С. Пучкова и Г. А. Попова «Социально-демографическая характеристика научных кадров». Авторы показывают тенденции изменения социальных функций научной интеллигенции, а также профессиональной, квалификационной и демографической структуры.

В советской литературе недостаточно исследована семья, процессы, происходящие в ней, тенденции формирования семейной структуры. Семья, как известно, представляет собой первичную ячейку общества, в которой протекают такие важные процессы, как воспроизводство населения, социализация, формирование будущих трудовых ресурсов, потребление и т. д. Эти и многие другие проблемы семьи анализируются в работе И. А. Герасимовой «Структура семьи». Работа примечательна тем, что на базе предшествующего опыта, накопленного в данной области, сделан новый шаг в направлении дальнейшего развития методики анализа семьи, дается математическое описание семейных структур. Книга написана по материалам специального выборочного обследования, проведенного в Костроме в 1969—1970 гг., и содержит интересный фактический материал.

Переписи населения капиталистических стран, их организация, анализ программ и методика их проведения и разработка освещены в работе М. Г. Григорьянц «Переписи населения в капиталистических странах». В монографии анализируются современные переписи капиталистических стран, дан их критический анализ.

Количество проводимых в нашей стране социологических исследований растет с каждым годом; расширя-

ется и круг исследователей, занимающихся социологией, — все это делает актуальной проблему повышения качества исследовательских кадров и, что особенно важно, качество собираемой информации. Монография советского социолога В. Э. Шляпентоха «Проблемы репрезентативности социологической информации» освещает методологические вопросы выборочных обследований и методику сбора и обработки социологической информации. На большом фактическом материале показано, как можно повысить качество информации. Автор знакомит читателя со многими видами выборки. Книга представляет большой интерес не только для социологов, но и для демографов, так как проблема репрезентативности социологической информации не разработана в отечественной науке.

Редакция демографической литературы в 1976 г. выпустит значительное количество серийных изданий.

В серии «Демографические исследования» выйдет сборник статей «Рождаемость (Проблемы изучения)», о чем упоминалось выше. В серии «Статистика для всех» выходит две работы по демографии: М. С. Бедный «Продолжительность жизни в городах и селах» и М. Я. Выдро «Население Москвы». В первой рассказывается о том, как изменилась среда проживания человека под влиянием процесса урбанизации и как она влияет на здоровье человека. Автор анализирует данные о заболеваемости городского и сельского населения, среднюю продолжительность жизни и физическое развитие тех и других. В брошюре показано влияние различных факторов на продолжительность жизни. Особенно интересен раздел об акселерации, этой загадке XX в.

М. Я. Выдро на основе статистических данных за период с 1861 по 1973 г. прослеживает изменение половозрастной структуры, демографических показателей населения Москвы (рождаемости, смертности, естественного прироста), а также изменение национального состава, классовой структуры и других характеристик москвичей. За цифрами видны огромные изменения, происшедшие в Москве после Великой Октябрьской социалистической революции. Показано, как Москва стала городом высокой культуры.

Издательство продолжает выпуск серии «Народонаселение», подготавливаемой Научно-техническим советом Секции народонаселения Министерства высшего и

среднего специального образования СССР. Уже вышло 11 сборников. Как правило, это тематические сборники, в которых содержатся как теоретические статьи, включающие в себя результаты наиболее интересных демографических и социологических исследований, так и популярные. Актуальность тем — главное, что отличает брошюры этой серии. В 1976 г. планируется выпустить четыре книги, две из них уже вышли.

В сборник «Демографическая ситуация в СССР» вошли статьи, освещающие региональные особенности процессов рождаемости, смертности и миграции. Показано, под влиянием каких факторов возникли и возникают особенности в демографических процессах различных регионов, различия в тех или иных показателях. Подчеркивается, что на демографические процессы решающее влияние оказывают социально-экономические факторы.

Законам и закономерностям развития народонаселения посвящен следующий выпуск этой серии — «Законы и закономерности развития народонаселения». Он раскрывает действия законов народонаселения при различных общественно-экономических формациях, но особое внимание уделяется законам народонаселения, действующим в социалистическом обществе, рассматривается взаимосвязь политико-экономического закона народонаселения с другими экономическими законами социализма. В некоторых статьях анализируются демографические законы.

В сборнике «Критика современных буржуазных демографических концепций» делается акцент на несостоятельность попыток фальсификации марксистского подхода к анализу процессов воспроизводства и развития народонаселения в наши дни.

Наконец, в брошюре «Население развивающихся стран» авторы рассматривают весь комплекс вопросов, связанных с высокими темпами прироста населения в этих странах, — воспроизводство населения, его особенности, размещение, миграцию, социальные и экономические трудности. В этом выпуске анализируются проблемы, которые тесно связаны с упомянутой проблемой — улучшение здоровья населения, вопросы ликвидации неграмотности, обеспечение населения продовольствием.

Кроме работ, объявленных в тематическом плане из-

дательства, предполагается выпустить брошюру З. А. Янковой «Женщины Страны Советов». О высоком престиже советской женщины, о достижениях женщин во всех сферах деятельности, о коренном значении Великой Октябрьской социалистической революции в жизни женщин, рассказывает эта небольшая по объему, но емкая по содержанию книга. Женщина-труженица, женщина-мать, общественный деятель и активный строитель коммунизма — эти и многие другие аспекты освещены в издании, которое будет интересно многим читателям.

Таков краткий обзор выпускаемой литературы по демографии в 1976 г. Сейчас в редакции формируется новый пятилетний план на 1976—1980 гг. Можно надеяться, что в него войдут интересные и оригинальные работы, в которых по-новому будут освещены актуальные вопросы демографии. Издательство ждет от авторов новых работ и предложений.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Судоплатов.</i> Современные буржуазные экономические и социологические концепции демографического роста и их критика	3
<i>Я. Гузеватый.</i> Идеологические уроки Всемирного года народонаселения	21
<i>В. Гойло.</i> Современные буржуазные концепции воспроизводства трудовых ресурсов	42
<i>Н. Иванова.</i> Несостоятельность «марксистско-мальтузианской концепции бедности и развития» Г. Дейли	59
<i>Е. Михайлов.</i> Обострение социально-экономических противоречий урбанизации в США	69
<i>Л. Щербакова.</i> Книги по демографии издательства «Статистика» в 1976 г.	88

CONTENTS

<i>A. Soudoplatov.</i> Critical essay on contemporary bourgeois economic and sociological theories of population growth.	3
<i>J. Gousevaty.</i> Ideological lessons of the World Population Year.	21
<i>V. Goilon.</i> Contemporary bourgeois theories of labour resources replacement.	42
<i>N. Ivanov.</i> The unfoundedness of the «Marxian—Malthusian View of poverty and development» by H. Daily.	59
<i>E. Michailov.</i> Urbanisation processes and aggravation of social and economic conflicts the U. S. A.	69
<i>L. Sherbakova.</i> Demographic literature by the «Statistika» publishing house in 1976.	88

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Редактор *И. М. Кирсанова*
Мл. редактор *О. С. Некрасова*
Техн. редактор *Л. Г. Чельшева.* Корректоры *Т. М. Васильева,*
С. С. Писаревская
Худ. редактор *Т. В. Стихно*
Обложка художника *В. С. Сергеевой*

Сдано в набор 28/XI 1975 г. Подписано к печати 17/III 1976 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага № 3. Объем 3 печ. л. Уч.-изд. л. 5,08. Усл. п. л. 5,04. Тираж 6300 экз. А09782. (Тематич. план 1976 г. № 45). Заказ 7545. Цена 30 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.